

Иван Байбаков

1941 —

СВОИХ НЕ БРОСАЕМ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Малой кровью на своей территории

Иван Байбаков

1941 – Своих не бросаем

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Байбаков И.

1941 – Своих не бросаем / И. Байбаков — «АСТ»,
2017 — (Малой кровью на своей территории)

ISBN 978-5-17-105611-7

Начало Великой Отечественной войны. И опять все неудачно для советской армии. Но стараниями нашего современника, а ныне лейтенанта Красной армии и командира отдельного моторизованного отряда особого назначения Сергея Иванова, и тех из военачальников Красной армии, кто не побежал и принял на себя ответственность, потихоньку обстановка на Белостокском выступе начинает меняться. Уже начались «рельсовая война» и диверсии в немецких тылах, а разрозненные и дезорганизованные войска собираются для отпора врагу не там и потом, а здесь и сейчас. Отряд лейтенанта Иванова снова выдвигается в немецкий тыл — освобождать советских пленных. Потому что — своих не бросаем!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-105611-7

© Байбаков И., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Предисловие,	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Иван Байбаков

1941 – Своих не бросаем

Предисловие, или Небольшое вступление от автора

Перед вами вторая книга цикла «Малой кровью на своей территории».

Предлагаемый роман о событиях Великой Отечественной войны не является ни документальным историческим исследованием, ни учебником по тактике ведения боевых действий, ни справочником по истории развития техники. Это просто попытка интересно для читателя рассмотреть и описать события того времени в условиях внедрения некоторых элементов «послезнания» и «прогрессорства». Надеюсь, роман будет интересен читателям, которые любят анализировать и оценивать исторические события с разных точек зрения и в условиях изменения некоторых базовых обстоятельств.

Тем же из вас, уважаемые читатели, кто серьезно интересуется реальной историей во всем многообразии ее проявлений: историей реальной и альтернативной, историей развития цивилизации и общества, историей войн, военной тактики и стратегии, историей развития техники, вооружения, организации армий и т. д., и т. п., могу порекомендовать обратиться к следующим открытым ресурсам информационной сети Интернет, содержащим много интересной и полезной информации:

Сайт «battlefront.ru»: <http://battlefront.ru/index.php>

Сайт «Para Bellum»: <http://www.vn-parabellum.com/index.html>

Сайт «Армейский вестник»: <http://army-news.ru/>

Сайт «Боевые действия Красной Армии в ВОВ»: <http://bdsa.ru>

Сайт «Большая военная энциклопедия»: <http://zonwar.ru/index.html>

Сайт «Википедия»: https://ru.wikipedia.org/wiki/Заглавная_страница

Сайт «Виртуальная энциклопедия бронетехники»: <http://pro-tank.ru/home>

Сайт «Военная археология, История»: <http://копанина.рф>

Сайт «Военная литература»: <http://militera.lib.ru>

Сайт «Военное обозрение»: <https://topwar.ru>

Сайт «Военно-Исторический портал, посвященный Второй Мировой войне»: <http://ww2history.ru/index.php>

Сайт «Исторические материалы»: <http://istmat.info>

Сайт «Обозник»: <http://www.oboznik.ru>

Сайт «Рабоче-Крестьянская Красная Армия»: <http://www.rkka.ru/index.htm>

Сайт «Солдат. ru»: <http://www.soldat.ru/>

Сайт «Танковый фронт»: <http://www.tankfront.ru/index.html>

Сайт «Техника Победы»: <http://www.tehnikapobedy.ru/index.htm>

Сайт «Цивилизация и война»: <http://ciwar.ru>

Сайт Юрия Веремея «Анатомия армии»: <http://army.armor.kiev.ua>

И еще одно уточнение.

Произведение написано в жанре альтернативной истории и является полностью фантастическим. Все персонажи вымышленные, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

Глава 1

Командир 6-го механизированного корпуса Красной армии генерал-майор Хацкилевич, с недавних пор еще и командующий существующего пока только на бумаге Белостокского оборонительного укрепрайона, утомленно вздохнул, откинулся на жесткую спинку стула и энергично потер ладонями виски, разгоняя туман усталости. Последние двое суток дались ему очень тяжело, причем не только физически, но и психологически.

Сначала неожиданные и очень значительные, намного превышающие все и всяческие довоенные расчеты, потери в боях с немецкими войсками, которые понес его мехкорпус – самый оснащенный и боеспособный мехкорпус Западного особого военного округа (с началом войны – Западного фронта) – при попытке командования фронта организовать встречный контрудар под Гродно. Неудача этого – наспех организованного и проведенного без надлежащего материального обеспечения операции – контрудара и тяжелые последствия в виде практически полной дезорганизации частей и соединений, участвовавших в нем. Потом вынужденное и хаотичное, постыдное отступление под немецкими бомбами, неимоверное напряжение в попытках восстановить управление войсками и сохранить корпус как боеспособную оперативно-тактическую единицу. И все более крепнущее во время этого отступления тоскливое ощущение близящейся катастрофы, неминуемого скорого и бесславного разгрома. Затем неожиданное сообщение главного корпусного особиста, и по совместительству старого друга и боевого товарища, Титова о необходимости не следовать приказу штаба фронта буквально, ибо это равнозначно гибели соединения на марше, а изменить направление отступления и отводить части корпуса под Белосток, к базам предвоенной дислокации и снабжения. И его обещание все объяснить по пути, в Сокулке. Наконец, прибытие в Сокулку, где состоялось знакомство с подполковником Сергеем Ивановым, который неведомо каким образом попал в это время, то ли из будущего, то ли из другой реальности, и непонятным, необъяснимым способом «вселился» в тело здешнего лейтенанта, командира взвода 239-го стрелкового полка 27-й стрелковой дивизии, тоже, кстати, Иванова, погибшего во время бомбежки на марше.

Ночное совещание, страшная и нереальная, больше похожая на ужасающую, фантазмагоричную сказку, информация из вероятного будущего о только что начавшейся войне, о катастрофических неудачах Красной армии в ее первой половине, о громадных потерях материальных и людских ресурсов Советского Союза в этой войне. Бессонная ночь, тяжелые размышления, изучение материалов оперативной обстановки и осмысление информации Иванова о ее развитии в ближайшее время, принятие решения об организации оборонительного укрепленного района, затем нелегкие переговоры с командованием Западного фронта. И потом до самого утра – снова изучение оперативной обстановки и информации, поступившей от Иванова, приказы и распоряжения по организации обороны и восстановлению управления войсками. Когда и где тут найти место для сна?

Да и впереди, в обозримом будущем, перспективы найти время на сон и отдых тоже не просматриваются. Только что закончилось утреннее совещание, на котором были окончательно определены первичные неотложные мероприятия по организации обороны Белостокского укрепрайона, с учетом знаний и личного опыта Сергея Иванова. Только благодаря настойчивости этого человека и сам Хацкилевич еще жив, и 6-й мехкорпус, как и еще многие части и соединения трех армий Белостокского выступа, не были и уже не будут напрасно разгромлены на марше во время бессмысленного отступления в расставленную немцами ловушку окружения, а вместо этого сейчас стягиваются к Белостоку для организации в перспективе круговой обороны.

– Да, пожалуй, если бы не этот Иванов, то я, командир шестого мехкорпуса, оказавшись в ходе отступления в окружении со своими людьми, сейчас уже действительно сгорел бы в танке,

куда залез бы, чтобы лично возглавить прорыв и погибнуть. Может быть, и не столько даже от особого героизма в танк полез бы, сколько от безысходности и стыда перед своими бойцами. Ну, и чтобы избежать еще большего позора – немецкого плена...

Хацкилевич встал, с наслаждением потянулся затекшим от долгого сидения телом, затем подошел к окну, плотно закрытому во время совещания по соображениям секретности, распахнул его и, чуть зажмурив глаза, с большим удовольствием вдохнул теплый, ароматный летний воздух. Жизнь, которая могла уже закончиться, причем закончиться в невыносимой горечи глупого поражения, продолжается, и ему в этой жизни дан второй шанс...

Ну, а раз сейчас все изменилось и появилась реальная возможность хоть как-то исправить позор первых дней войны, то он, генерал-майор Хацкилевич, сделает для этого все возможное. И невозможное – тоже постарается сделать. Тем более, имея под рукой этого строптивного и неугомонно рвущегося в бой, но при этом очень знающего и такого убежденного в нашей победе «гостя из будущего» – лейтенанта Иванова. Вон он – с довольной улыбкой на физиономии – сидит сейчас в курилке возле здания штаба и увлеченно что-то обсуждает со старшиной погранвойск, судя по петлицам. Не иначе, это один из его «найденшей», которых лейтенант притащил с собой из немецких тылов, по виду такой же хитрый жучара и талантливый хомяк, как и сам лейтенант Иванов, который себя в этом деле уже изрядно проявил. Вероятнее всего, снова для своей будущей боевой группы где-то и что-то полезное отыскали, а теперь обсуждают, как это что-то занять полочнее. Ну и ладно, бог им в помощь, – поскольку их махинации нашей армии только на пользу и они за последнее время обеспечили не только себя, но и многих других трофеями, – пусть продолжают свой упорный хомяческий труд по сбору и эффективному использованию всяческих полезностей.

Кстати, к вопросу о сборе и использовании полезностей – хватит уже тянуть время, пора идти в кабинет ВЧ-связи и провести еще один нелегкий разговор с командующим Западным фронтом на тему эвакуации населения и материальных ресурсов из Минска...

Как Хацкилевич и предчувствовал, разговор с генералом армии Павловым оказался не только очень напряженным, но и имел отчетливо негативную эмоциональную окраску.

– Да ты что... генерал-майор, ты... понимаешь... что ты мне предлагаешь?! – не сдерживая своих эмоций и даже не пытаясь выбирать хоть сколько-нибудь цензурные определения личности генерал-майора, громко орал в телефонную трубку командующий Западным фронтом. – У меня тут уже два маршала из Москвы побывали, у меня... приказ наркома обороны Тимошенко: «Минск не сдавать, ни при каких обстоятельствах!»... А ты... твою... так и раз-этак, что мне тут советуешь?! Оставить Минск... эвакуировать все население?! Может, мне еще белый флаг над воротами вывесить, и немцев с ключами от города встречать выйти... плешивыми лесными волками траченный ты стратег?!

Хацкилевич терпеливо выслушивал выражения начальственного недовольствия, а сам поглядывал на листок бумаги, где лейтенант Иванов сразу после совещания на скорую руку набросал, как происходило взятие Минска в его реальности.

Минску было уделено особое внимание в плане немецкого командования о проведении «молниеносной войны». Этим планом было предусмотрено, что части группы армий «Центр», при поддержке авиации 2-го воздушного флота люфтваффе, должны были сразу же после начала войны, путем мощного и быстрого прорыва механизированными клиньями, взять Минск в клещи, а потом соединиться севернее Смоленска. Чтобы, окружив и уничтожив все советские войска в Белоруссии, потом развивать дальнейшее наступление на северо-восток и восток СССР, на Москву. Информация о планах первоочередного захвата Минска в случае войны была известна и руководству Главного разведывательного управления Генштаба РККА, однако там эту информацию не приняли всерьез и не стали даже анализировать для выработки планов противодействия.

«Почему не стали?» Иванов на этот вопрос Хацкилевича ответить не смог, сказал только, что в своем времени специально искал, но так и не нашел на него хоть сколько-нибудь правдоподобного ответа.

– Впрочем, вариантов тут не особо и много. Либо явное вредительство, либо вопиющая некомпетентность, либо смесь того и другого в различных пропорциях.

Как бы то ни было, информация об этих планах немецкого командования из разведупра Генштаба РККА никуда дальше не пошла. Соответственно никто и никаких мер реагирования на возможное развитие событий именно таким образом не предпринимал. В результате Минск – столица Белорусской ССР и динамично развивающийся город с более чем двухсоттысячным населением, крупный промышленный центр и транспортный узел – оказался совершенно не готов ни к войне и возможному прорыву немецких войск в самом ее начале, ни к эвакуации, ни к бомбежкам. Особенно к бомбежкам – Минск к началу войны даже не имел оборудованных бомбоубежищ, что повлекло за собой самые трагические последствия. Массированные удары немецкой авиации по Минску начались уже 23 июня с бомбежки товарной станции и атаки пригородного аэродрома в Лошице. Аэродром, как это было почти повсеместно распространено в РККА перед началом войны, зенитного прикрытия не имел, поэтому большое количество самолётов было уничтожено прямо на земле, а еще практически полностью сгорели склады с авиационным горючим. В результате немецкая авиация сразу же получила господство в воздухе.

Начало массированных бомбардировок заставило руководство Белорусской ССР принять решение о подготовке к частичной эвакуации. Было решено, в течение двух дней, провести эвакуацию всех детей из детских домов, садов, лагерей, городов, подвергшихся налётам немецкой авиации. Также приняли решение начать вывоз денежных знаков, ценностей, секретных архивов и партийных документов, оборудования Минского авиационного завода. Ценности и деньги вывезли на рассвете 25 июня в Тамбов, а вот эвакуировать оборудование так и не успели. Полностью была сорвана и эвакуация детей...

23 июня, как раз к началу массированных бомбардировок Минска, туда, в штаб вновь образованного Западного фронта, самолетами прибыли маршалы Шапошников и Кулик, а чуть позже к ним добавился еще и маршал Ворошилов. Но ни их прилет, ни привезенный ими приказ наркома обороны СССР маршала Тимошенко: «Минск ни в коем случае не сдавать, даже при условии полного окружения войск, его обороняющих» тогда ничего изменить уже не могли.

Оборона Минска в реальности лейтенанта Иванова была короткой: основные боевые действия продолжались всего четыре дня – с 25 по 28 июня, но очень ожесточённой. И очень неравной по силам и средствам – всего четыре стрелковые дивизии РККА, причем отнюдь не полного штата, имея далеко не все, положенное им тяжелое вооружение и средства ПТО, сдерживали в общей сложности наступление пяти немецких танковых и моторизованных дивизий, да еще при подавляющем превосходстве немецкой авиации. Итог был закономерен... К вечеру 28 июня 1941 года немецкие танки прорвали советскую оборону на стыке 100-й и 64-й дивизий и вошли в Минск. В результате охватов немецких 2-й и 3-й танковых групп в Налибокской пуще (западнее Минска) оказались окружены остатки 3-й, 10-й и части 13-й и 4-й армий. К 8 июля бои в Минском «котле» были завершены...

Эвакуация из Минска остальных категорий населения, кроме детей, ни руководством республики, ни командованием Западного фронта изначально не планировалась, а потом стало уже поздно. В результате практически все население Минска оказалось в оккупации и три года подвергалось массовому террору со стороны немецкого оккупационного режима. За каждого убитого немецкого солдата расстреливалось 10 мирных жителей, за каждого офицера – 100 (об этом было объявлено в расклеенных по городу листовках). За время оккупации фашисты

уничтожили и угнали на рабские работы в Германию практически все население города (после освобождения Минска в июле 1944 года его в городе осталось всего около 37 тысяч).

Такая вот, неожиданно быстрая и столь позорная потеря Минска оказала гнетущее воздействие на советское руководство и лично Сталина. 30 июня командующий фронтом генерал армии Павлов был арестован, после недолгого следствия он и целый ряд других высокопоставленных советских генералов были расстреляны.

Так проходила и столь печально завершилась оборона Минска во времени лейтенанта Иванова. Здесь же, благодаря идеям все того же лейтенанта Иванова о массовых диверсиях на основных железнодорожных магистралях, идущих к Минску, сейчас положение со снабжением наступающих на Минск ударных немецких частей топливом и боеприпасами ощутимо похуже – может быть, это поможет защитникам Минска выгадать два-три лишних дня, а то и неделю оборонительных боев на подступах к городу. За это время необходимо попытаться по максимуму эвакуировать из города хотя бы население, если уж не получится вывезти оборудование и иные материальные ценности. И время, пока он тут выслушивает нецензурные определения своей личности и физиологических характеристик организма, неумолимо бежит. Пожалуй, придется все же гневный начальственный монолог распалившегося командующего фронтом прервать...

– Товарищ генерал армии, разрешите задать вам вопрос? – вклинился в эмоциональные тирады Павлова Хацкилевич.

И, пока тот, сбитый с толку неожиданным вопросом генерала, на секунду умолк, продолжил:

– Ведь военный аэродром в Лошице, что возле Минска, уже уничтожен немецкой авиацией? Причем, он уничтожен вместе с большей частью размещенных там самолетов и почти со всеми запасами хранимого на нем авиационного горючего?

– Да, аэродром уничтожен, – настороженно ответил Павлов. – И запасы горючего тоже практически все уничтожены. А ты-то откуда это знаешь?

– Я, товарищ генерал армии, знаю не только это, но и то, что уже сейчас в окрестностях Минска идут жестокие бои, и со дня на день город будет практически окружен. Я знаю, что в воздухе уже сейчас постоянно господствует немецкая авиация, все планы эвакуации, даже эвакуации детей, сорваны, не говоря уже об эвакуации прочих категорий населения и промышленного оборудования, в том числе оборудования нового, только что введенного в строй и даже еще не выпустившего ни одного самолета авиационного завода...

Во время этой тирады Хацкилевича Павлов внезапно осознал, что, просто расплескивая вокруг эмоции от злобы и чувства безысходности, ведет себя неправильно и где-то даже не очень достойно. И что генерал-майор Хацкилевич сейчас сообщает ему, командующему фронтом, секретную информацию, которой у обычного командующего корпусом, да к тому же сидящего сейчас где-то под Белостоком, не может быть в принципе. Но она у Хацкилевича откуда-то есть...

После осознания этих фактов Павлов внезапно полностью успокоился, перестал выплескивать эмоции и после короткой, всего на несколько секунд, паузы заговорил медленно, тщательно подбирая слова и абсолютно бесстрастным голосом:

– Я не знаю, генерал-майор, откуда ты, находясь у себя там – под Белостоком, так хорошо знаешь текущую оперативную обстановку вокруг Минска и откуда у тебя секретная информация по планам эвакуационных мероприятий, но повторяю, у меня прямой приказ наркома обороны – Минск не сдавать ни при каких обстоятельствах, даже при условии полного окружения войск, его обороняющих. А ты мне предлагаешь провести полную эвакуацию всего населения Минска. Ты хоть понимаешь, что, не говоря уже о том, что такая эвакуация может сразу вызвать массовую панику в городе, у меня просто нет на это полномочий... Вопрос надо согласовывать

непосредственно с самим товарищем Сталиным. Ты, понимаешь, Михаил Георгиевич, что ты мне сейчас предлагаешь?

– Товарищ генерал армии, Дмитрий Григорьевич, – Хацкилевич, чувствуя изменение эмоционального состояния Павлова и появившийся у того настрой на конструктивное обсуждение, со своей стороны тоже постарался убрать лишнюю эмоциональность и перевести разговор в максимально доверительное и конструктивное русло, – прошу извинить, но вы меня неправильно поняли, я вовсе не предлагаю вам сдавать Минск врагу или, того хуже, капитулировать. Но скажите – нет, не мне скажите, ответьте самому себе – разве в планах штаба Западного фронта по обороне города есть еще хоть что-нибудь, кроме как указания войскам стоять насмерть на пригородных оборонительных рубежах? Уверен, что нет. А при текущем количественном и качественном перевесе атакующих немецких войск, да еще в условиях полного господства в воздухе над Минском немецкой авиации, прорыв обороны города – лишь вопрос времени, причем времени ближайшего. Еще два-три дня, неделя, в самом лучшем случае – десять дней. Потом атакующие немецкие войска неизбежно где-нибудь прорвут наши оборонительные порядки и части противника войдут в город. И что потом? Немногочисленные уцелевшие в пригородных оборонительных боях войска Красной армии под угрозой окружения и полного уничтожения вынуждены будут отойти восточнее Минска, на новые рубежи обороны. Маршалы – они как прилетели, так и улетят, если уже не улетели, а командующий Западным фронтом, то есть именно вы, Дмитрий Григорьевич, вынуждены будете принимать тяжелое решение оставить врагу Минск, со всем его населением и ресурсами. И со всеми вытекающими из этого решения последствиями лично для вас. – Теперь, что хочу предложить вам я. Конечно же, продолжать всеми доступными силами и средствами сдерживать наступление немцев на подступах к Минску. При этом имеющуюся в вашем распоряжении танковую и броневозную технику крайне желательно стараться использовать из засад или специально подготовленных и защищенных огневых позиций типа окопов, капониров, полузакрытых позиций с древесно-земляной обваловкой. И соблюдая максимально возможную степень маскировки, как с земли, так и с воздуха. Это значительно повысит и живучесть техники в боевой обстановке, и эффективность борьбы с бронетехникой противника. У меня была возможность убедиться в этом на собственном опыте, да и вы, товарищ генерал армии, должны помнить результаты анализа эффективности применения брони с полузакрытых позиций в боях на Халхин-Голе.

Здесь Хацкилевич немного слукавил, поскольку выдавал за свой опыт рассказы лейтенанта Иванова на утреннем совещании о грамотном применении танков в обороне. Собственного опыта такого применения танков и броневиков у него еще не было. Однако генерал, уже успевший проникнуться доверием к информации и советам Сергея, решил, что в данном случае, для пользы дела, небольшое искажение действительности не повредит.

– Но вместе с максимально упорной обороной на подступах к Минску необходимо как можно быстрее начать готовить эвакуацию населения и, по возможности, материальных ресурсов города. Одновременно готовить силы и средства для ведения уличных боев на случай прорыва немецких войск в город. И запросить у председателя Государственного комитета обороны товарища Сталина разрешение на эвакуацию населения и промышленности столицы Белоруссии. Только разрешение запрашивать ни в коем случае не для последующей сдачи Минска врагу, а для того, чтобы население и ресурсы города не были уничтожены в жестоких уличных боях в случае, если немецкие войска все-таки прорвут оборону и ворвутся в город. Что же касается организации уличных боев, сегодня вечером или ночью я самолетом направлю вам пакет с материалами по этому вопросу, а также со свежими разведанными по текущей оперативной обстановке.

Потом Хацкилевич вспомнил недавний разговор с лейтенантом Ивановым о задачах и возможностях воздушно-десантных войск и добавил:

– И еще одно, товарищ генерал армии. Может быть, вам стоит рассмотреть целесообразность переброски в окрестности Минска частей и подразделений 4-го воздушно-десантного корпуса, которые дислоцированы в Пуховичах и сейчас еще находятся во втором эшелоне войск Западного фронта? 214-ю воздушно-десантную бригаду из состава этого корпуса вы вчера обещали мне сюда – под Белосток – перебросить. А вот седьмая и восьмая бригады сейчас пока без дела томятся. И скорее всего, чуть позже эти две бригады штабом Западного фронта будут брошены в бой, на передовую, в качестве обычных стрелковых частей, где будут перемолоты немецкими войсками, так и не проявив при этом особых преимуществ перед обычной пехотой. Я же предлагаю вам перебросить одну или обе эти десантные бригады в ближние тылы той немецкой группировки, что у Минска нашу оборону прогрызает. Там они, специально подготовленные для диверсий и ведения боевых действий малыми группами в условиях отсутствия четкой линии фронта и в тылу вражеских войск, изрядно шороху навести смогут, а то и снабжение парализовать. Да и впоследствии – в условиях уличных боев – десантники смогут принести намного больше пользы, чем будучи просто использованы в стрелковых цепях на передовой.

Командующий Западным фронтом, не перебивая, выслушал монолог генерал-майора. Потом немного помолчал – это уже входило у него в привычку при разговорах и получении информации от Хацкилевича, который за последние несколько дней войны, со своими нестандартными идеями и странной, необъяснимой осведомленностью, раскрылся для Павлова с новой, неожиданной и непонятной пока стороны. Но разбираться сейчас еще и с этим, выяснять источники этой внезапной и сверхъестественной осведомленности Хацкилевича, да еще по телефону, – пусть и по защищенной линии связи, – нет ни времени, ни особого желания. Сейчас другие приоритеты. Сейчас нужно делать все возможное, чтобы спасти Минск. Или, если Хацкилевич все-таки прав и сам город спасти от захвата немецкими войсками не удастся, то хотя бы попытаться спасти его население и материальные ценности, насколько возможно, – тут Хацкилевич снова прав.

– Ладно, генерал-майор, присылай свои материалы. Хуже, чем есть сейчас, думаю, все равно уже не будет, – наконец, с тяжелым вздохом, сказал Павлов, явно собираясь закончить разговор.

И тогда Хацкилевич, по странному наитию, наперекор, казалось бы, неумолимой логике развития событий все же решил попробовать спасти обреченного на уничтожение в тяжелых и неумолимых «жерновах Истории» военачальника.

– И последнее, товарищ генерал армии. Уверен, что, при грамотной организации и успешном ведении уличных боев, немецким войскам не удастся захватить Минск быстро и без серьезных потерь. Возможно, внутренняя оборона города будет даже более успешной, чем внешняя, и задержит немцев не на одну неделю. Но я также, на основании имеющейся у меня информации, убежден, что Минск, рано или поздно, неизбежно будет захвачен противником. Ну, нет у вас сейчас ни войск, ни резервов, достаточных для противостояния немецкой танковой армаде. После того, как немцы все-таки полностью захватят Минск, вас могут отозвать в Москву. Этот вызов, скорее всего, может закончиться для вас отстранением от командования, а затем арестом, с последующим возложением на вас всей полноты ответственности за неудачи войск Западного фронта в первые дни войны и – в особенности – за сдачу Минска врагу. По крайней мере, по имеющейся у меня информации, такая вероятность очень высока. Так вот, Дмитрий Григорьевич, примите добрый совет: учитывая высокую вероятность такого сценария развития событий, вам, возможно, стоит рассмотреть варианты обоснования необходимости вашего постоянного присутствия здесь, в Белоруссии. Хотя бы в том же Белостоке, где вы, к примеру, можете возглавить организацию и координацию боевой работы других оборонительных узлов или в целом организацию борьбы с войсками вермахта в тылу врага, на захваченной территории Белоруссии.

Павлов, после ставшей уже традиционной в их с генерал-майором разговорах паузы, снова перешел на обращение к Хацкилевичу по имени-отчеству и пообещал подумать, на этой обнадеживающей ноте нелегкий разговор завершился.

Глава 2

Сергей провозился с подготовкой информации для Хацкилевича почти до полудня – ощутило больше, чем собирался. Отчасти потому, что в процессе работы то одно – важное, нужное и полезное именно сейчас – вспоминалось, то другое.

Сначала еще более детально и тщательно нанес на штабные карты текущую оперативную обстановку, положение советских и немецких войск, динамику их перемещений в ближайшие дни. Потом занялся подготовкой материалов по организации уличных боев в практически окруженном немецкими войсками Минске.

Бои в городе – это сложно, особенно в крупном городе. Это, пожалуй, самый сложный, непредсказуемый и быстро меняющийся вид боевых действий, имеющий свою специфику и зависящий от множества трудно прогнозируемых факторов. Начать с того, что поле боя в городе является не двухмерным, как на открытой местности (в поле, в степи и т. п.), а трехмерным, куда добавляются бои на высоте за счет многоэтажных зданий. Это само по себе уже на порядок увеличивает сложность планирования и ведения боевых действий. Добавьте сюда большие сложности с использованием бронетехники и артиллерии, ввиду их уязвимости, особенно при атаках сверху и из засад. Добавьте сложную, изломанную и зачастую взаимно перемешанную линию обороны, возможность скрытых перемещений сквозь нее по подземным коммуникациям. Добавьте, наконец, определенные преимущества обороняющихся в случае возможности заблаговременно подготовить инженерные и минные заграждения, опорные пункты и узлы обороны и всяческие иные сюрпризы для атакующего противника. Учитывая эти факторы, атакующая сторона – при прочих равных условиях – как правило, имеет потери в три-пять раз больше, чем обороняющаяся. Вот на все эти преимущества обороняющихся перед атакующими и надеялся Сергей, подготавливая материалы по уличным боям за Минск.

В связи с недостатком времени на обучение и отсутствием опытных инструкторов, а особенно из-за катастрофического отсутствия связи уровня взвод-отделение-группа, что делает невозможной или крайне сложной координацию сил и средств в уличных боях, сильно мудрить не стал.

За основу, как и собирался изначально, взял опыт и принципы ведения уличных боев во время Сталинградской битвы, как наиболее применимые к текущему уровню организации и вооружения советских войск. Опыт и принципы эти родились и были выкованы в горниле страшных и жестоких боев за город на Волге, носящий имя вождя, где противостояние велось даже не за каждую улицу, а за каждый дом, и где отдельные дома по нескольку раз за сутки могли переходить из рук в руки. Там же родилась и получила свое развитие тактика штурмовых групп. Точнее, тактика ведения уличных боев штурмовыми группами, поскольку сами штурмовые группы немцы применяли еще в Первую мировую. Применяют их и сейчас, но по старинке, для атаки и взятия дотов, а стройной тактики ведения именно уличных боев штурмовыми группами у них еще нет. Вот и будет им сюрприз...

Описав близко к тексту «тактику штурмовых групп в уличном бою», разработанную и внедренную в войска 62-й армии, оборонявшей Сталинград, ее командующим, генерал-лейтенантом Василием Ивановичем Чуйковым, Сергей добавил к этому еще информацию по организации оборонительных боев в городе и применению в этих боях легкой бронетехники из современных ему Боевых Уставов. Здесь, конечно, многое пришлось убрать или изменить применительно к современным реалиям развития вооружения, техники и связи, поскольку, для примера, бутылки с зажигательной смесью и гранаты совсем не равноценная тактическая замена ручному противотанковому гранатомету или ручному же пехотному огнемету.

Вспомнив, что Хацкилевич вроде бы собирался уговорить Павлова использовать в уличных боях десантников, специально для них описал тактику ведения боя звеньями, по три-пять

человек, в составе снайпера, пулеметчика, одного-трех автоматчиков, они же метатели гранат и бутылок с зажигательной смесью. К ним, по желанию или возможности, можно добавить еще одного-двух саперов, но даже и без саперов эти мобильные атакующие звенья должны пехоту и бронетехнику Вермахта на улицах Минска очень сильно «порадовать».

Еще добавил тактические приемы и методические указания по ведению «снайперской» и «минной» войны, что тоже, как он надеялся, атакующих немецких солдат должно изрядно развлечь. И напоследок, в качестве завершающего штриха, нарисовал и подробно описал схему переделки стандартных гранатных запалов с замедлителем в запалы мгновенного срабатывания, а также приложил несколько принципиальных схем организации гранатных ловушек, как с использованием растяжек, так и без них. И совсем уж напоследок изобразил принципиальную схему «монки» (мины осколочной направленного действия), в изготовлении которой на мощностях промышленного минного производства никакой особой сложности нет, тут новизна только в самой идее, зато эффект от применения этих мин, да еще в условиях городской застройки, для немцев наверняка будет... фееричным.

Сергей писал, рисовал схемы и чертил эскизы, а сам волей-неволей вспоминал все то, что он знал об Обороне Сталинграда. Именно так, с большой буквы, потому что именно Оборона Сталинграда была тем критически важным сражением Великой Отечественной войны, в котором советские войска сломали хребет немецкой военной машине. Вспоминал эпизоды этого героического противостояния, как широко известные в его времени, такие, как ожесточенная оборона Мамаева кургана или дома Павлова, сражения за завод «Красный Октябрь», Сталинградский тракторный завод, артиллерийский завод «Баррикады», так и менее известные, но не ставшие от этого менее значимыми или менее героическими эпизоды обороны.

Дом Заболотного, Мельница, Дом железнодорожника, Сталинградский вокзал, Тюрьма, Молочный дом, Гвоздильный завод, Дом специалистов, Г-образный дом – все эти узлы обороны, где героически сражались и гибли, но не сдавались защитники Сталинграда, как и дом Павлова, тоже получили на картах свои собственные имена. Но помимо них были еще многие и многие узлы и точки обороны по всему городу, где не менее героически сражались с врагом советские бойцы. А ведь были еще и не менее доблестные, и ничуть не менее жестокие, бои на подступах к городу. А еще – каждодневные подвиги моряков Волжской военной флотилии, которые постоянно, днем и ночью, под бомбами и снарядами, словно челноки, металась с одного берега на другой на своих маленьких и практически небронированных катерах, обеспечивая снабжение боеприпасами и остальным, вывоз раненых и какую-никакую огневую поддержку защитникам города с воды. Не будь этих каждодневных, ставших привычно будничными для моряков, но от того не переставших быть героическими, челночных рейсов туда-обратно через широкую и красивую, но тогда словно кипящую от близких разрывов великую русскую реку, – как знать, смогли бы защитники Сталинграда держать оборону так долго и так эффективно.

Но это армия. А еще были простые, ни разу не военные жители города на Волге, которые тоже внесли свою лепту в героическую оборону. И народное ополчение, и рабочие отряды самообороны при заводах, и сами заводы, которые даже во время боевых действий, под постоянными обстрелами и бомбежкой, продолжали ежедневно выдавать для обороны города вооружение и боеприпасы. И, наконец, жители Сталинграда, по возрасту или здоровью не попавшие ни в ополчение, ни на заводы, но все равно желавшие хоть как-то помочь в обороне родного города. Они копали оборонительные рубежи на подступах, строили баррикады, помогали тушить пожары и разбирать завалы – словом, делали все, что могли...

Вспомнил Сергей и еще один итог героической, но слабо подготовленной в результате «ошибок и просчетов командования» обороны Сталинграда... Огромные, поистине ужасающие потери – более 600 тысяч только бойцов и командиров Красной армии. И плюс к этому страшные, да еще и бессмысленные для военных целей, жертвы среди мирного населения,

которое высокомерные и высоколетающие фашистские ублюдки (они же арийские сверхчеловеки) преспокойно бомбили на общих основаниях, абсолютно не заморачиваясь ни правилами ведения войны, ни всякими глупыми, по их мнению, конвенциями, запрещающими уничтожение мирного населения...

Вспомнил и с мстительным удовлетворением подумал о том, что теперь, в этом варианте истории, Сталинград, ставший для них ужасом в той реальности, может, пожалуй, начаться для этих расслабленных арийских сверхчеловеков уже совсем скоро и прямо здесь, в Белоруссии. Начаться в Минске, в Могилеве, в Витебске, в Смоленске... и далее со всеми остановками, в каждом городе, куда попробуют засунуть свое похабное рыло немецко-фашистские захватчики на их пути к завоеванию сначала «нового жизненного пространства» для своей «исключительной» нации, а потом и к последующему мировому господству.

– Ну, и здесь, в окрестностях Белостока, мы тоже, того... Чем сможем – поможем немцам как можно быстрее преодолеть легкую эйфорию двухлетней победоносной войны в Европе и осознать, что воевать дальше для них будет очень больно, очень обидно и очень-очень смертельно... – сказал Сергей сам себе.

Придя от таких позитивно-оптимистических мыслей в приподнятое настроение, он быстро закончил с материалами по уличным боям, а потом в темпе накидал еще несколько мыслей и идей, которые пришли ему в голову по ходу работы и могли помочь в организации обороны, причем не только Павлову в Минске, но и Хацкилевичу здесь, в Белостоке.

На этом, казалось бы, все его обещания генерал-майору Хацкилевичу на сегодня были выполнены и даже перевыполнены. Но оставался еще один вопрос – очень важный вопрос, который Сергей поставил сам себе и который считал настолько приоритетным, что без колебаний принял решение задержать отъезд генерала, пока не подготовит и не передаст тому все материалы еще и по этому вопросу, а именно – по организации производства мобильных зенитных средств ПВО. Поскольку Сергей не только был твердо уверен, но еще и абсолютно точно знал, и в теории, и на практике, что без организации эффективной и мобильной системы ПВО построение мощной и действенной обороны в условиях применения противником авиации практически невозможно. Да еще и здесь, под Белостоком, где в скором времени, вдобавок к господству в воздухе немецкой авиации, ожидаются и бои в условиях ограниченного маневра в результате охвата оборонительных рубежей превосходящими силами немецких войск.

Вот только уверенности в том, что представители местного «верховного командования» в лице генерал-майора Хацкилевича и дивизионного комиссара Титова поняли его правильно и также убеждены в необходимости первоочередного построения системы ПВО, причем именно мобильной ПВО, у Сергея сейчас не было. Почему? Да потому, что еще во время утреннего совещания, рассказывая о путях и способах организации мобильной ПВО путем переделки отдельных образцов бронетехники – даже не танков, а всего лишь танкеток, к настоящему времени уже сильно устаревших и непригодных для использования на поле боя в своем основном качестве, он ошутимо почувствовал, что эта идея особого энтузиазма ни у Хацкилевича, ни у Титова не вызвала. Скорее всего, потому, что оба они, что называется, «настоящие танкисты» – любая бронетехника для них вершина развития боевой техники и основное средство достижения победы на поле боя. Поэтому мысль переделывать их обожаемые гусеничные бронированные машины во что-то другое для них... скажем так, является очень необычной и трудно усваиваемой. Инерция мышления, однако... даже после того, как они совсем недавно, в ходе попытки контрудара под Гродно, собственными глазами видели, что без ПВО эти их танки при встрече с немецкими пикировщиками очень быстро превращаются из грозной боевой техники в бесполезный металлолом, не годный даже на запчасти.

Сергея такая инерция мышления не устраивала категорически. В первую очередь потому, что вот здесь, под Белостоком, учитывая подавляющее превосходство немецкой армии в авиации, сейчас никакая оборона без ПВО долго не продержится. Причем именно без мобильной и

маневренной ПВО, способной быстро перемещаться по театру военных действий и концентрироваться в местах текущей активности вражеской авиации. И эту инерцию мышления необходимо преодолеть, иначе все благие начинания по организации оборонительного укрепрайона пойдут прахом.

– Отсюда вытекает что? – бормотал себе под нос Сергей, не отрываясь от работы. – Отсюда вытекает необходимость и обязательность убедить этих упрямых танкистов в том, что их обожаемые танки, будучи переделанными в мобильные зенитные средства, по существу так танками и останутся, только вооружение у них поменяется, причем это совсем не обязательно ухудшит их боевые качества и изначальное предназначение.

Причем именно танки – по зрелом размышлении Сергей решил не «оттягивать мучительно конец» и не «рубить хвост по кусочкам», а сразу решать вопрос с выбором базы для зениток наиболее оптимальным способом. Танкеткам найдется и более подходящее для них применение, а мобильные зенитные средства нужно сразу делать на базе легких танков Т-26.

Ведь тот же легкий пушечный танк Т-26 – он изначально кем был? Если совсем изначально это был английский «Виккерс 6-тонный», легкий танк сопровождения и поддержки пехоты, пулеметный, двухбашенный. В таком виде он и начал производиться у нас – именно как легкий пехотный танк огневой поддержки пехоты с двумя башнями и противопульным бронированием. Это уже потом наши отечественные теоретики и практики танкостроения принялись мудрствовать над его конструкцией, последовательно усиливая броню и вооружение, устанавливая в одну из башен малокалиберную пушку Гочкиса, а потом и вовсе меняя две малые пулеметные башни на одну большую, с 45-миллиметровой пушкой в ней. Пытались превратить легкий пехотный пулеметный танк во что-то универсальное, способное уничтожать и пехоту, и бронетехнику, и защищенные огневые точки (идеи универсализма в те годы еще прочно сидели в головах у многих, причем не только у «высоколобых интеллектуалов-теоретиков военного дела», но и у конструкторов, в том числе весьма одаренных). В результате закономерно получилась перетяжеленная и малоэффективная машина со слабым бронированием и недостаточной для новых задач огневой мощностью, да еще и с постоянно ломающейся в результате предельных перегрузок трансмиссией и ходовой частью.

– Ну, а мы этот танк вернем немного назад, к его изначальному пулеметному варианту. Но вернем назад не полностью. Точнее, в полном соответствии с утверждениями классиков марксизма о развитии всего и вся по спирали, назад-то мы его вернем, но вернем на качественно новом уровне, – продолжал размышлять он вслух. – Пушечную башню вместе с подбашенным броневым листом и винтовым поворотным механизмом долой. Этот узел можно потом будет либо устанавливать прямо в сборе на другие танки вместо поврежденных башен, либо также в сборе устанавливать во вновь построенные бетонные доты оборонительных узлов, либо просто – на запчасти. Подбашенный броневой короб, да и вообще всю верхнюю броню совмещенного боевого отделения и отделения управления тоже снять, оставить только бронирование моторного отделения сзади и трансмиссионного спереди.

Дальше, собственно, новаторские переделки. Боевое отделение по периметру оборудовать откидывающимися наружу броневыми бортами, при этом высоту бортов подобрать так, чтобы стоящий на днище боевого отделения человек был защищен поднятыми бортами на высоту чуть выше своего роста (в среднем). А в центре боевого отделения, прямо к его днищу, закрепить стандартную тумбовую счетверенную зенитную пулеметную установку М4 (образца 1931 года, такие установки сейчас устанавливают в кузовах обычных грузовиков). Ну, или самодельную, собранную из тех же четырех, или, учитывая их отнюдь не изобилие, трех станковых пулеметов в местных мастерских, – там все не так уж и сложно в техническом плане.

Почему борта откидные? Так для того, чтобы из пулеметной установки не только вверх, по самолетам, огонь вести можно было, но и, при откинутых бортах, горизонтально, по вражеской пехоте, например. А для повышения уровня защищенности пулеметчика в обоих слу-

чаях стандартную пулеметную установку необходимо будет дооборудовать броневым щитком. И еще – надо будет на днище боевого отделения какую-нибудь решетку предусмотреть, чтобы стреляные гильзы под ногами по полу не катались, а в щели решетки проваливались. Причем решетку сразу делать съемную, чтобы гильзы и всякий мусор потом оттуда собирать удобно было.

Вот, собственно говоря, и все переделки. Объем работ относительно небольшой, техническая сложность их тоже не запредельная. В результате танк изрядно скинет вес – только за счет снятой башни, как минимум, тонну, – следовательно, резко прибавит в надежности и ресурсе ходовой части и трансмиссии, да и мотору полегче будет, отсюда опять же и повышение его надежности, и увеличение моторесурса. И получится из устаревшего, перетяжеленного и малоэффективного пушечного танка вполне так даже ничего себе новая боевая машина – более надежная, с ощутимо увеличенным техническим ресурсом и межремонтным пробегом, а главное – гораздо более эффективная в боевом применении, причем не только по самолетам, но и по вражеской пехоте. Впрочем, если уж у «настоящих танкистов» рука не поднимается курочить пушечные Т-26, можно пока начать переделки с их совсем устаревших – двухбашенных пулеметных и пушечно-пулеметных модификаций, тех, у которых в левой башне пулемет ДТ-29, а в правой 37-миллиметровая пушка Гочкиса установлена. Думается, на это ревнивые поборники бронетехники согласятся скорее.

Сергей, увлекшись творческим процессом и стараясь при этом не обращать внимания на бригадного комиссара Трофимова, который уже несколько раз заходил и прозрачно намекал, что командование укрепрайона торопится и пребывает в нетерпении, подготовил принципиальную схему переделки Т-26 в мобильную зенитную установку и несколько эскизов такой переделки в разных проекциях. Теперь предстояло еще раз попытаться убедить Хацкилевича...

– Нет, ну вы сами рассудите, товарищ генерал! Вот представьте себе – идет, допустим, ускоренным маршем механизированная колонна – танки, бронемашины, тягачи с артиллерией, грузовики с бойцами и имуществом. Или, к примеру, просто танковая колонна – это вам, как танкистам, ближе. Идет к переднему краю, где потом эта боевая техника, вооружение и имущество должно быть использовано по прямому назначению – в бою с фашистами. Идет без прикрытия своей авиации, с наличием и боеспособностью которой у нас сейчас катастрофа. И без зениток, которых у нас сейчас тоже почти нет. А те зенитки, что были в наличии и чудом сохранились, либо нечем буксировать, либо, если вдруг найдется чем буксировать, нужно прилично времени, чтобы на марше развернуть их из походного положения в боевое. И все, идущие в колонне, по опыту первых дней этой войны уже знают, что в любой момент в небе могут появиться немецкие самолеты, которые методично, как на учениях, спокойно и безнаказанно будут бомбить и штурмовать эту беззащитную от удара с воздуха колонну. И, скорее всего, уничтожат ее всю. Знают, тоскливо ждут этого почти неизбежного момента и страстно желают, каждый из них, чтобы их миновала эта незавидная участь беззащитных мишеней. Так, кстати, в большинстве случаев сейчас все и происходит в реальности – немецкие самолеты буквально охотятся за нашими колоннами, передвигающимися по дорогам, в результате чего перемещение войск и их снабжение днем практически парализовано, и это как раз один из немаловажных факторов наших поражений сейчас.

Вы только представьте себе их морально-психологическое состояние и уровень боевого духа в этих условиях, товарищ генерал. Хотя, чего там представлять, вы же совсем недавно сами были под немецкими бомбами, наверняка бессильно ругаясь от ненависти и злобы на собственную беспомощность, так что просто вспомните свои чувства. А теперь представьте себе немного иную картину. Идет по дороге все та же механизированная колонна, или любая другая, это уже не принципиально. Только идут они не беззащитной для атак с воздуха жертвой, а в сопровождении, скажем, пары-тройки мобильных и даже слегка бронированных зенитных

установок со счетверенными станковыми пулеметами «Максим», в лентах которых либо все патроны бронебойные, либо, для экономии, каждый третий-пятый. Пулеметные расчеты этих зениток, имея открытые боевые рубки и хороший обзор, внимательно наблюдают за небом и постоянно готовы к открытию заградительного огня по самолетам противника. Причем огонь они могут вести не только с места, но и в движении, не превращая колонну в удобную неподвижную мишень. И все люди в колонне знают, что они уже не беззащитны перед немецкой авиацией, что в случае авиационной атаки идущие в колонне зенитные установки как минимум не дадут вражеским самолетам спокойно и прицельно отбомбиться или безнаказанно расстреливать колонну из своих пушек и пулеметов.

Вопрос, в каком случае у колонны больше шансов добраться до пункта назначения и в каком состоянии, я не задаю – это ведь очевидно, не так ли, товарищ генерал? Идем дальше. Предположим, что колонне очень сильно повезло, немецкая авиация пролетела мимо, и все они благополучно добрались до переднего края. Влились соответственно в оборонительные порядки и приготовились к бою. Танки, пехота, артиллерия – будем считать, что все имеют высокий боевой дух и готовы беспощадно сражаться с врагом. Они ждут, когда противник пойдет в атаку, и готовы драться с ним вплоть до рукопашной. Но как они будут драться с немецкой авиацией, которая, будучи недосыгаемой, волнами, раз за разом, бомбит и обстреливает наши позиции, оставаясь при этом неуязвимой. А наши бойцы только бессильно наблюдают, неся безответные потери и теряя боевой дух... Отсюда, товарищ генерал, мы сейчас имеем в войсках первого эшелона обороны границы и неоправданно высокие потери, и крайне низкую боевую эффективность противодействия наступающим немецким войскам. Отсюда же имеем случаи паники, а вместе с ними самовольное оставление оборонительных позиций и еще много негативных факторов, которые вы опять же сами могли лично наблюдать совсем недавно, пытаясь провести контрудар под Гродно. И хотя оправдать этих паникеров, а также бегущих за ними со своих позиций бойцов, никак нельзя, но понять их отчасти можно – когда с неба то и дело прилетает смерть, от которой нет спасения, поскольку правильно и глубоко окапываться личный состав не обучен, очень легко поддаться панике и безнадёжности.

Теперь представьте себе, что на том же поле боя у нас будет хотя бы пара-тройка таких вот механизированных пулеметных зенитных установок? Картина ведь будет совсем иная! И немецкие пикировщики как минимум уже не смогут отбомбиться по нашим позициям прицельно, если вообще не сбросят бомбы где-нибудь в сторонке и не улетят – у асов люфтваффе, понимаете ли, сжимательная мышца в самом низу спины тоже отнюдь не из железа сделана. Более того, когда немецкая авиация улетит, этим пулеметным зениткам и на земле, на поле боя, тоже дело найдется. Вы, товарищ генерал, конечно же представляете себе эффект применения по атакующей пехоте и кавалерии станкового пулемета Максима? А если их сразу четыре? Или пусть даже, с учетом определенной ограниченности ресурсов, хотя бы по три пулемета на установку? А если на участке вражеской атаки таких вот многоствольных пулеметных установок хотя бы пара, и расположены они, скажем, по флангам, для организации фланкирующего огня по наступающим бравым немецким воякам? А если, имея высокую подвижность и маневренность вследствие наличия гусеничной ходовой части, эти пулеметные установки могут еще и быстро перемещаться по полю боя? И как вы думаете, товарищ генерал, в какой из этих двух описанных мной ситуаций мы будем иметь более эффективно организованную оборону и высокий боевой настрой личного состава?

Пока Хацкилевич хмурился, обдумывая слова Сергея, попутно действительно снова вспомнив свое состояние бешенства и бессилия под немецкими бомбами, в разговор вклинился дивизионный комиссар Титов, до этого молча сидевший за столом для совещаний в кабинете генерала и слушавший Сергея со скептически-недовольным выражением на лице.

– И что, лейтенант, там, у вас, во время этой войны тоже танки непонятно во что переделывали?

– Нет, товарищ дивизионный комиссар, – тяжело вздохнул Сергей. – Не переделывали. Может, именно поэтому и потери такие дикие в начале войны были. Нашей авиации в небе почти нет, зенитных средств еще меньше, чем авиации, технику никто не окапывает и не маскирует, бойцы навыкам полевой фортификации не обучены или обучены совершенно недостаточно, над нашими позициями практически постоянно висят немецкие самолеты, бомбят и расстреливают цели на земле в комфортных условиях отсутствия зенитного противодействия... Недооценивали тогда у нас, а вот сейчас и у вас, важность и полезность системы мобильной ПВО. Это уже потом, ближе к концу этой войны и как раз на ее опыте, начали активно разрабатывать мобильные зенитные средства на колесных и гусеничных платформах – сначала, как водится, немцы, а потом и наши. И калибры там уже посерьезней были...

– Так, может, и нам, раз уж ты танки уродовать предлагаешь, тоже калибры посерьезнее сразу ставить, а не потом? – Титов, судя по его скептически-подозрительному тону, явно не собирался верить Сергею на слово и готовился «разъяснить» этого мутного предсказателя с его странными идеями.

Сергей вздохнул: ну как же тяжело с ними, особенно с этим чрезвычайно подозрительным особистом, который везде подвох ищет. Придется объяснять подробно, а это опять ненужная сейчас задержка их выезда...

– Ну, хорошо, товарищ дивизионный комиссар, давайте рассмотрим вопрос организации ПВО фронтового уровня более подробно...

– Не надо более подробно, лейтенант, мы и так сегодня задержались намного дольше, чем планировали, – Хацкилевич, оторвавшись от своих дум и взглянув на часы, недовольно поморщился. – Понял я уже все про эти твои мобильные пулеметные зенитки. Согласен, дело нужное и полезное, в Белостоке отдам соответствующие распоряжения по переоборудованию части легких Т-26 в соответствии с твоими предложениями. А теперь давай, что ты там подготавливал. Нам уже давно ехать пора!

Глава 3

Все подготовленные документы Сергей предварительно разложил на столе в несколько пакетов и в ответ на недоуменный взгляд Хацкилевича пояснил:

– Я, товарищ генерал, в полном соответствии с одним из основных принципов организации режима секретности, гласящим, что каждый секретноситель должен знать только ту часть секретной информации, которая ему необходима, разделил все подготовленные мной материалы на несколько категорий. Это чтобы там, в Минске, в их суматохе и неразберихе, Павлову проще было подготовленные материалы и оценивать, и распределять.

Вот этот конверт – технарям и оружейникам, здесь материалы по модернизации минно-взрывных средств и некоторому улучшению состава зажигательно-огневых смесей, а также по созданию и применению огневых фугасов. Вот в этом конверте – материалы по организации и тактике уличных боев, а также организации для этих целей штурмовых групп. И здесь же, отдельно, материалы по использованию в уличных боях десантников. Эти материалы для Павлова, а там он сам их потом разделит по полномочиям своего комсостава. Этот конверт – уже лично для Павлова, и только для него, здесь я изложил кое-какие мысли и моменты по общей ситуации под Минском и по возможности ее хоть как-то улучшить полномочиями командующего фронтом. Еще здесь многое из того, что я вам говорил про организацию и повышение эффективности обороны. И здесь же для Павлова экземпляр карты, где я указал оперативную обстановку на территории Белоруссии и то, как она в ближайшие дни развиваться будет.

И еще. В этом же конверте, что лично для Павлова, я отдельно изложил все, что вспомнил по организации подпольного движения в оккупированном Минске. А также по организации партизанских отрядов на территории Белоруссии. В моей реальности белорусское партизанское движение немцам столько крови попортило, сколько не каждая армия смогла. Тема эта отдельная и достаточно объемная, подробно ее расписывать сейчас времени нет, но тут чем раньше начать все организовывать, тем оно лучше будет. А вот этот конверт уже лично для вас, товарищ генерал. Здесь я набросал некоторые мысли по организации обороны под вашим командованием, на основе, так сказать, совмещения опыта прошлого и будущего. Думаю, вам эти материалы не помешают.

Хацкилевич выслушал Сергея, немного помолчал, задумчиво перебирая бумаги, а потом спросил:

– А может, все-таки сразу в Москву? Подумай, лейтенант. Ты ведь очень много знаешь, и конкретно об этой войне, и о путях развития техники, в том числе не только военной, и о развитии военного дела – наверняка там ты больше пользы принести сможешь.

Сергей еле заметно поморщился – опять начинается эта канитель с уговорами, а он ведь не просто так отказывается, не из прихоти, но еще раз постарался донести Хацкилевичу свои доводы максимально убедительно и в то же время максимально корректно, без эмоций, чтобы не создавать лишней напряженности в отношениях.

– Товарищ генерал, ну поймите вы, идея моей отправки в Москву именно сейчас контрпродуктивна. С точки зрения моей полезности для руководства страны, так не нужен я сейчас в Москве, поскольку никакой пользы там именно сейчас принести не смогу. Мало того, что мне там сразу никто не поверит и вместо того, чтобы здесь и сейчас делом заниматься, я буду там бесполезно в камере сидеть, ожидая, пока мои слова проверять будут. Но даже если случится совсем уж невероятное и мне там, пусть не сразу, но относительно быстро поверят, так ведь все равно – пользы от меня сейчас все равно никакой не будет. В той суматохе и неразберихе, что сейчас творится в Генеральном штабе, в условиях потери связи и управления войсками, а еще в условиях ужасающей ситуации с организацией и техническим оснащением этих войск, все мои умные мысли и знания возможного будущего никакой пользы не принесут. Ведь все

те катастрофические для всей нашей армии неудачи первых дней войны – они, если можно так выразиться, являются следствием системных ошибок и просчетов предвоенной организации и подготовки нашей армии, поэтому сейчас никакими командами и распоряжениями из Москвы, пусть даже и основанными на послезнании из будущего, исправлены быть не могут. Поскольку, кроме приказов и директив типа «Минск не сдавать...» и «Организовать мощные контрудары...», наше верховное командование сейчас ничего более сделать не может, причем не может в первую очередь в результате утраты там связи и управления войсками здесь, на местах. Знаете, в шашках и шахматах есть такое понятие – «цугцванг», что в переводе с немецкого означает «принуждение к ходу». Это такая ситуация, при которой любой ход игрока ведет к ухудшению его позиции. Вот и у руководства нашей армии в целом сейчас такой «цугцванг» образовался – все команды из Москвы, что наступать, что обороняться, никаких положительных результатов не дают и в сложившихся условиях объективно дать не могут, а времени на осознание ошибок и их исправление противник нашему верховному командованию не дает. И тут, в этой суматохе и неразберихе, еще и я нарисуюсь, со своими умными мыслями и предвидениями, так, товарищ генерал? И как меня там встретят, и что со мной сделают, как вы думаете? И если вы думаете про что-нибудь хорошее, так я вас сильно расстрою – ничего хорошего в этой ситуации меня там не ждет, только все плохое... ну, или очень плохое, – Сергей позволил себе немного поерничать, а потом снова перешел на серьезный тон: – Поэтому сначала надо здесь, на месте, попытаться всеми силами остановить беспорядочное отступление и стабилизировать линию фронта, хотя бы частично, а уже потом думать о перспективах внедрения знаний и технологий из будущего – я в этом твердо уверен, товарищ генерал. А информацию о ходе и ошибках начального периода войны для Москвы я вам обязательно подготовлю. Вот вернусь из разведывательного рейда и сразу же все распишу, и день-два тут особой роли не сыграют.

Хацкилевич, снова немного помолчал и посопел, обдумывая резоны Сергея, но, по результатам обдумывания, хотя и явно недовольный отказом, устраивать акты волюнтаризма и в одностороннем порядке пересматривать утренние договоренности не стал, молча сгреб со стола пакеты и вышел из кабинета.

Сергей в компании бригадного комиссара Трофимова проводил верховное командование укрепрайона до машины, там еще раз получил от упомянутого командования руководящие указания не подставлять свою голову с ценной для Советской Родины информацией под пули и, с немалым облегчением, вызванным отбытием высокого начальства в Белосток, вновь отправился в кабинет начальника особого отдела дивизии. Имея ближайшей целью терзать этого самого начальника и, по совместительству, своего нового куратора вопросами организации, комплектования и оснащения нового подразделения, а также интеграции в это подразделение прикомандированного для обучения командного и начальствующего состава.

В ходе общения с бригадным комиссаром окончательно определилась конфигурация и условия боевой работы отдельного разведывательного взвода при штабе Белостокского оборонительного укрепрайона, а в действительности мотоманевренной разведывательно-диверсионной группы лейтенанта Иванова:

- Боевую деятельность группы, особенно в немецких тылах, как уже определил генерал-майор Хацкилевич, необходимо, помимо бригадного комиссара Трофимова, согласовывать с дивизионным комиссаром Титовым. Со своей стороны, Трофимов обещает деятельную поддержку планам лейтенанта Иванова в случаях, если тот не будет по-глупому рисковать группой и своей головой. Больше того, учитывая некоторую натянутость в отношениях Сергея с Титовым и, наоборот, имея с Титовым давние дружеские отношения, бригадный комиссар берет на себя нелегкое бремя согласования с начальником особого отдела Белостокского укрепрайона всех вопросов боевой работы группы.

- Постоянный состав группы, а также техника, вооружение и экипировка – целиком на усмотрение Сергея. Трофимов при этом оказывает максимально возможную помощь и под-

держку в вопросах обеспечения группы, в случаях крайней необходимости прикрываясь полномочиями от начальника особого отдела укрепрайона. Это пока, до передислокации в Белосток, а там, скорее всего, проблемных вопросов с этим вообще не будет.

- Переменный состав группы – его количество пока не более двух третей от количества постоянного состава группы. С учетом того, что постоянного состава в группе сейчас под тридцать человек, при добавлении еще двадцати «учеников» как раз получается почти полный штат разведывательного взвода, штатная численность которого сейчас 51 человек. Распределение переменного состава в иерархии группы, а проще говоря, выбор и расстановка по командным должностям – тоже на усмотрение лейтенанта Иванова, но с подробными объяснениями для Трофимова в случае появления разногласий. Это условие согласовывалось сторонами очень непросто и потребовало почти получасового монолога Сергея на тему того, что не каждый начальник может быть командиром, особенно в боевых условиях. И что, к примеру, для оперативника, следователя и командира боевого подразделения в качестве базовых характеристик желательны и свои особенности психики, и разные способности, не говоря уже о разных системах подготовки и набора опыта. Замена непригодных по различным причинам бойцов и командиров переменного состава – только по согласованию с Трофимовым, и тоже с подробным обоснованием. В заключение вопросов по переменному составу стороны договорились, что завтра утром Трофимов прибудет с отобранным для включения в состав группы пополнением на полигон штаба дивизии, где и произойдет передача людей под командование лейтенанта Иванова.

- Боевая техника и транспорт группы. Из уже имеющейся в Сокулке трофейной техники: полугусеничный бронетранспортер «Ханomag», легкий колесный пушечный (тот, который Sd.Kfz. 222) разведывательный броневик, уже почти «родной» трехтонный «Опель-Блиц» с установленным в кузове немецким МГ-34 на зенитной турели, крупновский артиллерийский тягач (он же «шнауцер») в качестве грузовика и тягача одновременно и не менее двух немецких тяжелых мотоциклов с приводом на колесо коляски. Из них как минимум два мотоцикла – с пулеметами. Тогда, в случае нужды, при помощи этой трофейной техники в немецком тылу можно будет организовать отдельную немецкую колонну-обманку для использования в разных целях, а идеи на эту тему у Сергея были. Из техники советского производства – не менее четырех, а лучше шесть, средних пушечных броневиков, причем крайне желательно именно БА-10М, то есть машины второй модернизации, с вынесенными наружу корпуса бронированными баками, а уже из них выбрать броню с штатно установленными на заводе рациями. Причем наличие раций на всех шести броневиках – безусловная необходимость. «И один из броневиков – ну, это просто очень желательно – с экипажем сержанта Гаврилова, с которым недавно так славно разгромили немецкую колонну под Сокулкой. Ах, он уже старший сержант? И сейчас командует взводом из пяти пушечных броневиков? Тем лучше, вот его и его экипаж в постоянный состав группы, пожалуйста. Можно сразу с его взводом, но это на усмотрение Трофимова, по результатам беседы с Гавриловым». Кроме советской колесной брони – еще два-три грузовика, для перевозки личного состава, запасов и прочего полезного имущества, в том числе приватизированного по результатам боев и походов. «Грузовики нужны марки ЗИС-5 или ЗИС-6, и, желательно, с уже тентованными кузовами, – времени на возню по оборудованию обычных грузовиков тентами не будет, там и так понадобится прилично разных работ по их доводке перед рейдом. Полторки не предлагать – именно ЗИСы, с их грузоподъемностью три-четыре тонны и с возможностью при полной загрузке буксировать еще прицеп полной массой до трех с половиной тонн. Или не прицеп, а честно добытую в бою пушку, например. Или еще что-нибудь столь же полезное, что будет найдено или захвачено в немецких тылах. Чем еще обусловлен выбор именно ЗИСов? Да тем, что они имеют низкооборотный тяговитый шестицилиндровый двигатель, который легко запускается даже в мороз и может работать на любых низкосортных бензинах, а помимо них еще и на смеси нашего бензина с немецким син-

тетическим, у которого октановое число значительно выше. Кроме этого, обычный грузовик ЗИС-5, не относясь к автомобилям повышенной проходимости, а только за счет своего мотора, имеет тяговые возможности, близкие к моделям со всеми ведущими колесами. А уж если найдется шестиколесный трехмостовый грузовик повышенной проходимости ЗИС-6, с его грузоподъемностью четыре тонны, да еще в нужном количестве, – это просто великолепно будет». Трофимов проникся и пообещал все пожелания Сергея по транспорту учесть, а сам транспорт собрать и передать под командование к утру.

• Вооружение группы. Помимо штатного вооружения на технике и штатного вооружения разведвзвода Сергей попросил у Трофимова дополнительно пару станковых «максимов», все залежавшиеся на складах дивизии АВС-36, все четыре снайперские СВТ и все десять ручных пулеметов Дегтярева, что старшина обнаружил на складе. На удивленный вопрос Трофимова, куда ему столько пулеметов и зачем берет автоматические винтовки Симонова, от которых все нос воротят, Сергей только улыбнулся и пообещал при случае сильно удивить бригадного комиссара организацией системы огневого ведения боя своей группы. Еще он попросил гранаты, мины – и как можно больше, а также взрывчатку, детонаторы и прочее инженерное имущество для будущих развлечений продвинутого сапера, которого тоже попросил у Трофимова. Приданный ранее группе для взрыва моста сапер Сергея совсем не впечатлил, ни своим профессионализмом, ни морально-волевыми качествами. Обычный унылый и безынициативный середнячок, а нужен был увлеченный профессионал, и при этом желательно еще и творчески мыслящий «самоделкин», поскольку на инженерно-саперное обеспечение топтания своей группы по немецким мозолям и другим нежным местам организма вермахта Сергей возлагал большие надежды. Остальное вооружение группы составят их же трофеи, количество и разнообразие которых приятно дополнит штатное вооружения Красной армии.

• Экипировка группы. Сергей, изначально решивший брать в Сокулке только самое необходимое имущество, попросил у Трофимова выписать лишь пару взводных палаток, маскировочные халаты и плащ-палатки да масксети для техники. Он, конечно, недавно озадачил вопросом масксетей старшину Авдеева и, уже немного зная его способности, был уверен, что масксети старшина добудет, но запас, как говорится, карман не тянет. К тому же этот запас масксетей нужен в расчете на пополнение техники, за счет найденной в немецких тылах. А все остальное имущество, что было положено на взвод, это можно будет получить уже в Белостоке.

«Ну, вот, вроде пока все. Самое необходимое и неотложное обговорили», – только успел подумать Сергей, как Трофимов огорошил его тем, что он тоже идет вместе с лейтенантом Ивановым и его группой в предстоящий разведрейд. А потом, также вместе с Ивановым и группой, возвращается в Белосток, где и будет в дальнейшем ее – группу, и его – лейтенанта Иванова, курировать. И вообще, как непосредственный куратор группы лейтенанта Иванова по линии особого отдела штаба Белостокского укрепрайона, он – бригадный комиссар Трофимов – теперь будет частенько ходить с ними на боевые задания. Может, и не каждый раз, но частенько. Заодно и присмотрит, чтобы лейтенант Иванов в тылу у немцев понапрасну не рисковал. Но беспокоиться понапрасну лейтенанту Иванову не надо – претендовать на командование группой или оспаривать его приказы бригадный комиссар не будет. Не будет, разумеется, если Сергей станет соблюдать условия договоренности с генерал-майором Хацкилевичем о том, чтобы не лезть на рожон.

Выслушав заключительный монолог Трофимова и получив от того готовый пакет документов о создании разведвзвода при штабе укрепрайона, в том числе бумаги на получение вооружения и имущества, а также два новых удостоверения: командира разведвзвода и обещающий Хацкилевичем «вездеход» по линии особого отдела, Сергей получил разрешение и покинул кабинет комиссара, переполняемый неоднозначными эмоциями. С одной стороны, к нему, по факту, приставили постоянного наблюдателя, а может и надсмотрщика, что не может не удручать. Да, перестраховывается Хацкилевич, поторопился Сергей его хвалить. С другой

стороны, Сергей честно признавался сам себе в том, что на месте Хацкилевича поступил бы точно так же, если не жестче. Поэтому хорошо, хоть так, на поводке, а то могли и в клетку определить. К тому же он успел достаточно неплохо изучить личные качества Трофимова и с большой степенью вероятности мог надеяться на то, что самодурствовать тот не будет, а польза от его присутствия в составе группы, особенно при общении с командирами найденных частей и подразделений, может быть очень большая. Это тебе не какой-нибудь временно приданный группе рядовой особист, пусть и с полномочиями для вывода «найденшей» из окружения. Это тяжелый калибр для построения начальства, бродящего со своими частями по тылам, вплоть до уровня командира дивизии. Впрочем, размышления на эту тему сейчас иллюзорны, ведь изменить сейчас уже ничего нельзя, а окончательно степень вреда или пользы от личного присутствия Трофимова в рейде станет видна только непосредственно в боевой обстановке.

Решив так, Сергей отбросил бесполезные сейчас размышления о вариантах развития отношений с бригадным комиссаром в будущем и отправился на поиски старшины Авдеева. Найдя наконец почти неуловимого, из-за его энергии и деловитости, старшину, Сергей передал тому документы и делегировал полномочия по получению всего материального, что было выписано на подразделение Трофимовым, а сам отправился в офицерскую столовую, пообедать. При этом с внутренним удовольствием думая о том, что просто полезного на сегодня сделано достаточно и пора бы уже ему начать совмещать полезное с приятным, а если конкретно – после обеда посетить госпиталь, куда Сергея, как он сам себе наконец признался, очень тянуло с самого утра...

Глава 4

Татьяна Соколова, закутанная в операционный халат, шапочку и марлевую повязку так, что были видны только глаза, устало вышла из душной, пропахшей эфиром операционной, чтобы глотнуть свежего воздуха и присесть передохнуть на несколько минут. Она сегодня с шести утра ассистировала на операциях, десятый час на ногах. А сейчас еще одного тяжело-раненого доставят, на срочную операцию. И за жизнь его снова будут бороться измученные усталостью и недосыпом врачи дивизионного медсанбата. И она в их числе, поэтому – только несколько минут передохнуть и снова надо идти к операционному столу.

Такой, устало присевшей на стул возле открытого окна в коридоре, ее и окликнул Сергей. Таня встрепенулась, явно обрадовалась и поспешила навстречу. Сергей тоже прибавил шаг, так они и встретились, почти налетев друг на друга посреди коридора. Танечка при этом чуть охнула, поверх маски взглянула в лицо Сергея своими красивыми глазницами и так очаровательно покраснела, что он с трудом удержался от дальнейших объятий и поцелуя. Не место и не время, а жаль, очень жаль. Но даже просто видеть Татьяну и разговаривать с ней тоже очень приятно. Вот только прямо сейчас это невозможно – у нее еще одна операция, минут на сорок, и только потом Таня освободится. Так и договорились, потом она убежала в операционную, а Сергей отправился проведать спасенного летчика, который уже пришел в сознание и мог говорить. Две молоденькие, но ужасно строгие то ли медсестры, то ли нянечки, поначалу встали в дверях палаты живой стеной и пускать его не хотели. Но потом, узнав, что это именно он вывез раненого летчика из немецких тылов, да еще после того, как одна из медсестер уточнила, а не он ли случайно тот командир, что и их нового военврача Соколову от немцев вывел и к ним в медсанбат доставил, и услышала в ответ, что таки да, это случайно он, сестрички сменили гнев на милость и пропустили Сергея к летчику, при этом строго наказав раненого не волновать и не утомлять.

Во исполнение указаний медперсонала, Сергей не стал сильно напрягать раненого летчика и говорил в эти полчаса в основном сам, а от летчика потребовалось лишь слушать, следить за отметками карандаша Сергея на карте и подтверждать, опровергать или коротко уточнять его информацию об организации, местонахождении и состоянии ресурсов авиации РККА на территории Белостокского выступа. Поначалу, правда, сталинский сокол упирался и ничего комментировать не соглашался, ссылаясь на секретность. Здесь неожиданно оказался полезным «вездеход» от особого отдела, который вернул летчику спокойствие и помог снять лишние вопросы с его стороны.

Увлечшись конструктивной беседой с летчиком, давшей много дополнительной информации по вопросам организации аэродромного хозяйства и авиационного снабжения, Сергей и не заметил, как пробежало время, спохватившись только тогда, когда через дверь палаты из коридора прорвались звуки сдавленных смешков. Попрощавшись с летчиком, он тихонько приоткрыл дверь палаты, выглянул в коридор, и от увиденной там картины его губы непроизвольно растянулись в широкую улыбку. В коридоре, возле открытого окна, стояла и ждала его Татьяна Соколова, уже без халата и в форме военфельдшера, а рядом с ней крутились обе совсем недавно строгие, а сейчас веселые и по-детски любопытные, как два котенка, девчонки-медсестры и наперебой выпытывали у Тани подробности «страшных приключений и счастливого спасения» с оккупированной территории, периодически забываясь и издавая громкие восторженные восклицания, на которые и среагировал Сергей.

А Таня, с доброй улыбкой поглядывая на них, что-то тихо рассказывала, почему-то снова напоминая Сергею большую и ласковую кошку-маму, которая возится со своими детенышами. И ему такая мило-домашняя ассоциация очень понравилась, так и тянуло схватить эту большую кошку-маму в охапку и затискать, как Сергей любил это делать в прошлой жизни со своей

пушистой домашней питомицей. А Таня, почувствовав его взгляд, что-то тихо сказала медсестрам на прощание и с улыбкой подошла к Сергею.

– Привет! Я до полуночи свободна, может быть, пойдем куда-нибудь погуляем?

– С радостью, Танечка, и огромным удовольствием. Ведите, ибо я тут еще ничего не знаю.

И Татьяна повела Сергея «гулять» в небольшой, но тенистый скверик рядом с городской больницей, одно крыло которой, как и несколько ближних домов, теперь занимал медсанбат танковой дивизии. Общение складывалось легко и непринужденно, гуляли, сидели в крохотной беседке, говорили обо всем понемногу. Татьяна рассказывала о родителях, о детстве, об учебе, всякие смешные случаи. Попутно прояснила вопрос, почему она, дипломированный врач с высшим образованием, только военфельдшер, хотя ей положено звание не ниже, чем военврач 3-го ранга (соответствует армейскому капитану).

Оказалось, что командир медико-санитарного батальона, в пределах своих полномочий мог в условиях военного времени самостоятельно принимать на службу младший и средний медицинский персонал из числа гражданских медицинских специалистов, но при этом присваивать принятым на службу специалистам он мог только звание не выше военфельдшера. На присвоение более высоких званий его полномочий не хватало, это только через аттестационную комиссию госпиталя не ниже корпусного уровня. Но Таня на этот счет совершенно не волнуется, начальство ей уже твердо пообещало, что, как только с наплывом раненых станет немного полегче, с ближайшей оказией ее отправят в Белосток, где развернут госпиталь 1-го стрелкового корпуса 10-й армии, там Татьяна пройдет аттестацию и вернется в батальон с новым званием.

Сергей больше молчал и слушал, чтобы случайно не проколоться на незнании реалий этого времени. И попутно, стараясь не слишком сильно пялиться, просто любовался своей красивой спутницей, на время выбросив из головы остальные мысли, планы и тревоги. В процессе любования он настолько расслабился, что почти забыл еще об одном важном деле, связанном одновременно и с Таней, и с теперешним местом ее службы. Спихватился только тогда, когда рядом с их скамейкой появился старшина Авдеев с двумя приличными бумажными пакетами в руках, который коротко доложил, что обстановка без происшествий, личный состав по распорядку, все задачи и поручения выполнены. Потом он аккуратно примостил на лавочку оба пакета, из которых шли вкусные запахи домашней выпечки и домашней же копченой колбасы, так же коротко сообщил, что это товарищам лейтенанту и военфельдшеру к вечернему чаю, после чего растворился в наступающих вечерних сумерках.

Пришлось сбрасывать очарование летнего вечера и снова вспоминать о том, что идет война, и эта война диктует свои обстоятельства, избежать которых нельзя. Вот так и эта замечательная романтическая прогулка, под давлением неизбежных обстоятельств, закончилась в отдельной палате, где под охраной залечивал свою челюсть и другие, пострадавшие от несдержанности в высказываниях, внутренние органы, пленный немецкий гауптман. Поскольку Сергей твердо решил получить от немца все нужные ему сведения именно сейчас, а говорить немец в принципе мог, но через сильную боль и совсем не членораздельно, для общения с ним пришлось задействовать не только Танечку в качестве переводчика, но и блокнот с карандашом из трофейного офицерского планшета. Сергей задавал вопрос, Таня переводила, немец писал ответ, который Таня читала и переводила уже Сергею. Вопреки некоторым опасениям Сергея, гауптман отвечал на вопросы добровольно и без принуждения. Может быть, потому, что к нему сегодня уже заходили особисты, которые, судя по текущему состоянию немца, от себя добавили ему несколько физических замечаний за вероломное нападение Германии и лично гауптмана на Советский Союз. А может быть, еще и потому, что вопросы Сергея не были похожи на допрос и почти не касались аспектов боевой организации Вермахта. Вопросы были больше «житейские» и касались в основном организации хозяйственно-бытового обеспечения немецких частей, а также системы снабжения войск в различных условиях.

«Разговорив» гауптмана, Сергей плавно подвел его к конкретике, а именно к тому, где и как его рота получала снабжение всем необходимым при сосредоточении в приграничных районах перед войной с СССР и позднее, при ведении боев на советской территории. А также об известных ему планах развертывания системы тыла и снабжения немецкой армии при планируемом дальнейшем продвижении войск по территории Белостокского выступа. И тут, в ответе гауптмана, его ждал большой сюрприз. Поначалу злорадно ухмыльнувшись и тут же скривившись от боли в челюсти, немецкий офицер что-то быстро застрочил по блокноту. А Сергей, дослушав перевод написанного гауптманом приличного куска текста, сначала глубоко задумался, быстро просчитывая и сопоставляя варианты дальнейших действий в соответствии с полученной информацией. Потом забрал у немца блокнот и под руку вывел Татьяну в коридор.

– Огромное вам спасибо, Танечка, что бы я без вас делал!

Татьяна в ответ радостно заулыбалась.

– Пожалуйста! Я же говорила, возьмите меня к себе, я вам пригожусь и в составе вашей группы обузой не буду.

После этого Сергей не удержался, схватил девушку в охапку и быстро поцеловал в уголок губ, после чего оставил слегка ошеломленную столь быстрыми изменениями обстановки девушку в одиночестве и понесся к Трофимову, на ходу успев шепнуть Тане, что ее желание может вскоре исполниться. То есть с собой в немецкий тыл он ее, конечно, не возьмет, потому что опасно, но вот чтобы Таня, в качестве штатного медика, ждала и лечила Сергея и его бойцов в пункте базирования группы, над этим вопросом он работает, надо только немного подождать.

Трофимов сидел у себя в кабинете и напряженно трудился, занимаясь непривычным делом – вопросами комплектования техникой и личным составом столь необычно для нынешнего времени сконфигурированной группы лейтенанта Иванова. С этим пока все складывалось непросто, в полном соответствии с крылатым выражением товарища Сталина: «Кадры решают все». Поскольку кадров, потребных именно «здесь и сейчас», сейчас и здесь как раз не было.

Казалось бы, чего проще – в целой танковой дивизии, в которой по штату пятьдесят шесть средних пушечных броневых автомобилей, найти шесть единиц радиальных машин последней модификации с опытными экипажами. Здесь тебе и отдельный разведывательный батальон, и разведроты в каждом из двух танковых и одном моторизованном полках. Но тут, как говорится, есть один нюанс. Саму технику выделить не проблема – проблема в том, что к ней нужны опытные и уже прошедшие боевое слаживание экипажи. А вот тут и начинаются проблемы, потому что перед войной, чтобы быстрее повысить общий уровень обученности и подготовленности личного состава в условиях резкого наплыва техники и молодого пополнения, опытные экипажи дробили и формировали по-новому, с таким расчетом, чтобы на одного старослужащего в экипаже приходились один-два новобранца. К тому же выбор техники и экипажей сейчас был дополнительно ограничен тем обстоятельством, что наиболее перспективное для целей отбора бронетехники и экипажей подразделение, а именно 33-й отдельный разведывательный батальон танковой дивизии, был дислоцирован не в Сокулке, а в близлежащих населенных пунктах Сокульского района. Та же история и с грузовиками – 33-й автотранспортный батальон дивизии тоже был дислоцирован не в самом городе, а в расположенной неподалеку деревне Шишки, примерно в пяти километрах. Это и понятно, и логично – и так, при определении дислокации 33-й танковой дивизии, в небольшой городок втиснули два танковых и гаубичный артиллерийский полк, это не считая отдельных батальонов и дивизионов. Но теперь придется, видимо, сначала собирать технику, а потом комплектовать для нее экипажи по принципу «с бору по сосенке», выдергивая наиболее опытных и подготовленных специалистов из разных подразделений. Однако это все решаемо, до завтра и технику, и транспорт с обученными и опытными экипажами подобрать можно. Найти хорошего сапера – вот проблема. Перед войной почти всех хороших саперов, как и большинство других специалистов инженерных частей, перебросили к границе, для оказания помощи в лихорадочном строительстве и оборудовании укрепрайонов

вновь создаваемой «Линии Молотова». В частях остались унылые и практически бесполезные середнячки – только чтобы были, на всякий случай. И если в отношении техники, транспорта и личного состава для обучения, из числа наиболее подготовленных младших командиров разведподразделений дивизии, Трофимов был уверен в том, что все это будет самое лучшее из возможного, то в отношении сапера у него такой уверенности не было, отсюда напряженные размышления и поиски решения проблемы.

И размышления, и поиски Трофимова были прерваны деликатным стуком в дверь. Получив разрешение, в кабинет скорее просочился, чем вошел, лейтенант Иванов с блокнотом в руках, который, после молчаливого жеста Трофимова, сел на стул, преувеличенно аккуратно положил блокнот на стол и с загадочной полуулыбкой негромко обратился к своему куратору.

– Товарищ бригадный комиссар. В свете вновь открывшихся обстоятельств, у меня есть для вас предложение, от которого, очень надеюсь, вы не сможете отказаться.

Трофимов, и так пребывавший в не самом лучшем расположении духа, нутром почуял, что лейтенант принес с собой очередные проблемы, поэтому набычился и резко спросил:

– Ну, что ты там еще задумал, лейтенант?!

– Это не я задумал, товарищ бригадный комиссар, – успокаивающим тоном и по-прежнему с легкой улыбкой произнес Сергей. – Это негодяи фашисты задумали, а у нас с вами есть очень неплохие шансы им эти их задумки поломать.

– Излагай, – уже чуть мягче сказал Трофимов, привычно открывая свой блокнот и готовясь пометать отдельные, наиболее важные, моменты беседы.

– Я только что из медсанбата, где разговаривал с раненым немецким командиром роты, который вместе со своей ротой так неудачно для него подвернулся под сапог нашей группе при возвращении в Сокулку...

– Подожди, лейтенант!!! Как это – ты с ним разговаривал?! Он же из-за переломов челюсти разговаривать не может, его сегодня мои особисты допросить пытались, так он, сволочь, только мычал что-то непонятное.

– Виноват, товарищ бригадный комиссар, неточно выразился, – снова улыбнулся Сергей. – Я с ним письменно разговаривал – писать-то эта фашистская гадина может. Вот я ему вопросы и задавал, он ответы на них вот в этом блокноте записывал, а моя знакомая – военфельдшер Татьяна Соколова, которая, помимо того, что хороший врач, так еще и в совершенстве знает немецкий язык, написанное немцем читала и мне переводила.

– Вот же, хитрый... пройдоха! – невольно вырвалось у Трофимова. – Нет, ну ты посмотри, и тут он свои необычные штучки измышляет. Придумал ведь, шельмец, даже как у временно немого врага информацию получить, а моим специалистам по допросам нос утер!.. Кстати, твоя знакомая Татьяна Соколова – это случайно не та девушка-врач, что ты из рейда по немецким тылам привез? – хитро прищурился Трофимов, угрюмость и задумчивость которого в ходе столь необычного диалога как-то постепенно улетучились и перестали давить на нервы. – А впрочем, ладно, о твоей знакомой позже. Продолжай про немца.

– Продолжаю про немца, товарищ бригадный комиссар. Помимо прочей интересной и важной для нас информации о системе снабжения и организации работы тыловых служб вермахта немецкий гауптман сообщил, что в населенном пункте Суховоля, точнее, на его окраине, немцы организовали временный сборный пункт, по типу концлагеря, для приема и содержания советских военнопленных. Там уже сейчас собраны больше двух тысяч наших пленных бойцов и командиров – причем пока и бойцы, и командиры собраны в одном месте, только содержатся в разных отделениях лагерного сборного пункта. Помимо функции сбора пленных этот пункт выполняет также функции временного рабочего лагеря – в нем собрано много специалистов строительных участков 68-го Гродненского и 66-го Осовецкого укрепрайонов, а также значительное количество личного состава строительных батальонов, которые перед войной перебросили к границе для ударного строительства этих самых укрепрайонов. Теперь эти специалисты

и остальные пленные временно – до момента их отправки в постоянные концентрационные и рабочие лагеря на территории Польши и Германии – используются немцами в качестве бесплатной рабочей силы для различных работ, в том числе для работ по демонтажу объектов и сооружений укрепрайонов, сбору нашей и немецкой битой техники.

Трофимов выслушал Сергея и задумчиво уставился на карту, отыскивая на ней Суховолю.

– Странно, почему концлагерь, пусть и временный, немцы организовали именно там? Железной дороги там нет, сам населенный пункт небольшой, даже сразу и не скажешь, это маленький городок или очень большая деревня. Что об этом думаешь, лейтенант?

– Я думаю вот что, товарищ бригадный комиссар. Вот, посмотрите, по карте видно, что Суховоля, а здесь он указан как небольшой город, расположен примерно в центре неправильной трапеции, в углах которой Белосток, Гродно, Августов и Граево, а стороны образованы железными и шоссейными дорогами. Примерно посередине этой трапеции проходит почти параллельно границе рокадное шоссе Осовец – Домброво, и Суховоля находится также примерно посередине этого шоссе. Более того, от нижнего левого угла трапеции, из Белостока, через Суховолю к ее верхнему правому углу, Августову, и далее в Польшу, на Сувалки, тоже идет шоссе, причем идет почти по прямой, с небольшими изгибами. Думаю, немцы просто сочли для себя удобным собирать пленных в этом центре со всей округи, чтобы потом их было удобно транспортировать дальше пешим порядком, не загружая лишний раз и так сейчас перегруженную снабжением их наступающих войск железную дорогу.

– Ну, хорошо, лейтенант, допустим, это действительно так. Что дальше?

– А дальше, рассудите сами, товарищ бригадный комиссар. Немцы сейчас фактически делают за нас нашу работу – собирают личный состав разбитых и потерявших управление подразделений со значительной территории в одну кучу и в определенном месте, о котором нам стало известно. Осталось только уже собранных людей оттуда вовремя забрать. А хлебнув немецкого «гостеприимства», и прочувствовав на собственной шкуре идеологию обращения «высшей расы» с остальными малоразвитыми народами, в особенности со «славяно-азиатскими дикарями», даже те из них, кто не был захвачен в бою, а сдался в плен сам, – по различным причинам, но сам, добровольно, – уже сейчас наверняка кардинально пересмотрели свои убеждения. И, если их сейчас освободить, вооружить и поставить в строй, более беспощадных к немецким захватчикам бойцов трудно будет найти. Еще момент. Наши бойцы и командиры там обретаются пока недолго – два-три дня. Злобы и ненависти к фашистам, как я только что сказал, у них сейчас уже через край. А вот физические кондиции от тяжелой работы, скудного питания и бесчеловечного обращения с ними со стороны лагерной охраны серьезно снизиться не успели. Соответственно, и боевая эффективность после освобождения у них будет близка к максимальному уровню. И последнее. Подумайте, товарищ бригадный комиссар, какой моральный и идеологический эффект произведет появление бывших пленнх в составе наших частей, их рассказы о плене и освобождении. Вот вам две темы для обсуждения в солдатской среде, так сказать, навскидку. С одной стороны, мы своих не бросаем, специально вернулись за ними аж в немецкий тыл, с другой – после рассказов бывших пленнх об условиях содержания и обращении с ними там вряд ли кто захочет сдаваться в немецкий плен добровольно.

– Согласен, лейтенант. Со всем, что ты сейчас изложил, согласен! Что конкретно предлагаешь?

– Перехожу к конкретике, товарищ бригадный комиссар. Вы сейчас сами подтвердили, что необходимость освобождения советских пленнх не вызывает у вас никаких сомнений или возражений. Но есть обстоятельства, которые требуют сделать это как можно быстрее, и именно поэтому я и прибежал к вам на ночь глядя. Дело в том, что раненый гауптман сообщил о двух моментах, которые вынуждают нас очень поторопиться с атакой лагеря и освобож-

дением наших пленных. Первое. Сейчас охрана концлагеря относительно небольшая, да и в самом Суховоле немецких войск немного – максимум, пехотный батальон. Ну, может быть, еще какие-нибудь части усиления типа артиллерийского дивизиона из состава пехотного полка или приданной из резерва командования роты легкой бронетехники. Не факт, что потом охрану не усилят или не расквартируют в этом населенном пункте дополнительные части. В Суховоле ведь до войны, помимо управления и штаба 27-й стрелковой дивизии, был дислоцирован еще и ее стрелковый полк, так что места для дополнительного размещения своих подразделений немцам хватит. Второе. Раненый гауптман сообщил, что в сборный пункт постоянно прибывают новые партии пленных, вследствие чего он уже переполнен, а расширять его не планируется. Поэтому со дня на день значительное количество пленных большой колонной и пешим порядком погонят из Суховоли в Августов и далее через границу в Польшу, в Сувалки. Там крупный транспортный узел и центр снабжения третьей танковой группы вермахта. И уже оттуда их будут по железной дороге отправлять дальше, в различные постоянные концлагеря на территории Польши и Германии. Как видите, товарищ бригадный комиссар, действовать необходимо немедленно, и планируемый на послезавтра выезд придется перенести на сегодняшнюю ночь, в крайнем случае – на утро.

Трофимов вновь почувствовал раздражение. Да, пленных освобождать надо, это даже не обсуждается. И резоны лейтенант Иванов привел правильные, и описал все очень точно. Но вот как, каким образом и какими силами их освобождать... Ведь сейчас по вновь создаваемой группе лейтенанта Иванова ничего еще толком не готово – ни техника, ни транспорт, что он просил, ни личный состав для прикомандирования и обучения... Сейчас уже вечер, если выезжать в ночь – осталось всего несколько часов! Авантюра, по-другому не скажешь. А ведь эту авантюру еще надо согласовывать с Титовым и как-то обосновывать личное участие в ней лейтенанта Иванова, которого ему приказали всеми силами оберегать от всяких опасных походов...

Попутно, вкуче с раздражением, к Трофимову припожаловала и профессиональная подозрительность, которая помогла сформулировать закономерный вопрос, а откуда это раненый командир обычной немецкой пехотной роты так много знает о концлагере и, вообще, о размещении немецких войск в Суховоле? Уж не ловушка ли это? Лейтенант Иванов об этом не подумал?

– Подумал, товарищ бригадный комиссар, – ответил на вопрос Трофимова Сергей. – И по результатам беседы с гауптманом могу с весьма высокой степенью вероятности сказать, что если немец и врет, то в мелочах. А знает так много о концлагере и немцах в Суховоле потому, что его рота как раз входила в состав батальона 329-го пехотного полка 162-й пехотной дивизии 20-го армейского корпуса вермахта, который, после отступления частей нашей 27-й стрелковой дивизии от границы и оставления Суховоли, был направлен для занятия этого населенного пункта. И этот же пехотный батальон попутно должен был обеспечить охрану организуемого там временного сборного лагерного пункта военнопленных. А рота нашего бравого гауптмана первоначально была выделена командиром батальона именно для охраны лагеря. Но гауптман, вероятно, слишком сильно захотел поиметь славу непобедимого арийского героя и уговорил командира батальона разрешить его роте вместо охраны лагеря преследование отступающих от Суховоли в сторону Сокулки дезорганизованных частей Красной армии. Преследовал, догнал и приступил к уничтожению. А тут вдруг сзади мы... Дальше эту историю облома героических немецких военных вы уже знаете. В результате, надеюсь, этот храбрый арийский гауптман если и станет когда-нибудь героем, то только героем перевыполнения плана лесозаготовок где-нибудь на Колыме. Ирония судьбы – концлагерь от него все равно никуда не денется, только собственная роль в процессе движения материи поменяется: вместо охраняющего гауптман охраняемым станет.

– Ну, хорошо, лейтенант. Допустим, ты меня убедил в необходимости срочно выдвигаться в немецкий тыл и освобождать пленных. Но как, какими силами и средствами ты собираешься это делать?!

– Ничего невозможного, товарищ бригадный комиссар. Обычное дело – скрытное выдвижение, разведка местности, в том числе путей подхода и отхода, короткая, но интенсивная ночная атака и уничтожение расслабленной текущим ходом войны охраны, затем отвод пленных с постановкой заградительных и отсекающих засад. А дальше, как говорится, война план покажет. Я тут прикинул, мне не так уж много людей понадобится. Возьму свою группу, взвод броневиков старшего сержанта Гаврилова, транспорт, что мы с вами сегодня оговаривали, да и пойду. Вот только нужно будет с собой дополнительно пару медиков взять – они нам там понадобятся, поскольку, сильно подозреваю, раненых в лагере будет много, а вопросами медицинского обслуживания советских пленных немцы не занимаются принципиально. И, к слову, раз уж речь зашла о медиках и медицине... пользуясь случаем, хотел попросить вас, товарищ бригадный комиссар, прикомандировать к нашей группе в качестве врача в пункте постоянной дислокации военфельдшера Татьяну Соколову и...

Договорить Сергей не успел – его речь прервал рев Трофимова, чье копившееся в течение дня раздражение наконец нашло удобный повод и вырвалось наружу.

– Что?! Молчать!.. Ты что же, лейтенант, считаешь, что война вокруг тебя – это игрушки?! – бушевал бригадный комиссар. – С нами сейчас что, дети несмышленные воют, которых ты, играючи, одной левой, побеждать собрался?! Или ты бессмертным себя возомнил?! Или тебе успех пары удачных диверсий в голову ударил – и ты вообще перестал обстановку адекватно оценивать?! – Чуть успокоившись, Трофимов продолжил: – В общем, так, лейтенант. Если не хочешь до конца войны сидеть в глубоком тылу под усиленной охраной, ты со своим шапкозакидательством в стиле «одним махом семерых побивахом» заканчивай. Я вообще считаю, что риск предстоящей операции по освобождению пленных слишком велик и тебе лично там делать совсем нечего. Но очень уж ты, засранец, повод важный нашел – советских людей из плена вызволять. А я просто не представляю себе, кто, кроме тебя, с твоей удачливостью и опытом из будущего, сейчас это сделать сможет. Поэтому и не отказываю тебе в этой попытке. Но ты – не наглей! И количество бойцов для рейда я сам определяю! И в рейд с тобой, как уже говорил, лично пойду, а то, боюсь, ты решил всех немцев на территории Белоруссии один победить. – И, уже совсем успокоившись, добавил: – А военфельдшера Соколову, эту твою, гм... знакомую, я к организуемому отряду прикомандирую, раз уж ты так сильно хочешь, чтобы она поближе к тебе была. Это как раз не сложно будет сделать. И пару санинструкторов ей в помощь найдем. Может быть, хотя бы ради нее ты перестанешь в немецких тылах на рожон лезть.

Потом Трофимов снял телефонную трубку и принялся сыпать распоряжениями.

А Сергей, в режиме «ошпаренной кошки», помчался готовиться к экстренному выезду сам и готовить своих бойцов, технику, вооружение и все остальное, попутно нет-нет, да и размышляя на втором плане сознания о том, как там все сложилось сегодня у Хацкилевича, в Белостоке?..

Глава 5

Небольшая колонна в составе автомобиля командующего 6-го мехкорпуса генерал-майора Хацкилевича, пары средних пушечных броневиков и двух грузовиков с бойцами взвода охраны медленно ползла по ямам и воронкам основательно разбитого немецкой авиацией шоссе, вдобавок к ямам и воронкам весьма плотно загроможденного брошенной на нем техникой, как сгоревшей в результате налетов немецкой авиации, так и просто оставленной прямо на дороге в результате поломок. И эта медлительность перемещения по всего лишь сорокакилометровому отрезку дороги между Сокулкой и Белостоком Хацкилевича весьма сильно раздражала. Раздражала потому, что сейчас был дорог каждый час и сам он, на своем вездеходном автомобиле Газ-61 – специальной модификации «эмки» для высшего командного состава Красной армии со всеми ведущими колесами – мог бы даже по этому, разбитому и загроможденному шоссе, ехать значительно быстрее. И, наверное, уже с час назад был бы на месте. Но вот охрана... Приданные броневики охраны еще могли бы угнаться за его вездеходом по такой дороге, а вот грузовики с бойцами – уже никак.

На обязательном и отныне постоянном наличии охраны, да еще не только в виде пары броневиков, но и целого взвода бойцов на транспорте и с автоматическим оружием, вчера и сегодня утром упрямо настаивал все тот же неугомонный лейтенант Иванов – ну, прямо все уши прожужжал. А бригадный комиссар Трофимов и дивизионный комиссар Титов, после того, как прослушали короткий, но эмоциональный рассказ лейтенанта Иванова о том, что сейчас вытворяют в советских тылах переодетые в форму Красной армии диверсионные спецгруппы 800-го «учебного» полка особого назначения «Бранденбург», прониклись. И прониклись настолько, что единым фронтом выступили в поддержку идеи выделения для новоиспеченного командующего Белостокским укрепрайоном постоянной охраны в целях обеспечения его безопасности. Хацкилевич выслушал заинтересованные стороны, внял объективным доводам и вот теперь, в компании Титова и в состоянии сильного раздражения, медленно тащился по разбитой дороге.

Хотя сам себе Хацкилевич мог бы признаться, что его раздражение было вызвано не только и не столько медленной скоростью передвижения по разбитой дороге. Основная причина плохого настроения генерал-майора крылась в другом: в том, что он вот уже более двух суток – с тех самых пор, как его 6-й мехкорпус не смог выполнить боевую задачу под Гродно и уже там, потеряв чуть ли не половину своей материальной части, вынужден был начать постыдное отступление – сам себе не мог ответить на два вопроса, которые постоянно крутились у него в голове. Нет, не те два извечно знаменитых в русской философской и культурной мысли вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?» Два других, но тоже очень актуальных и не менее философских в данной ситуации вопроса: «Как?» и «Почему?»

– Как?! Как немецкие войска смогли всего за несколько дней войны разгромить в приграничных боях большую часть и дезорганизовать все остальные войска первого, наиболее оснащенного и боеготового, эшелона обороны Западного особого военного округа? Как получилось так, что его 6-й механизированный корпус, объективно наиболее укомплектованный, оснащенный и подготовленный мехкорпус ЗОВО, лучший на всех учениях и по результатам всех проверок, в первые же дни войны понес такие ужасающие потери? Потери, поставившие крест на возможности использования мехкорпуса не только в качестве основного оперативно-тактического соединения подвижных войск Красной армии, но и в принципе как самостоятельного боевого соединения? И если бы не так вовремя поступившая информация о том, что отступить от Гродно на Волковыск и далее на Слоним смерти подобно, сейчас его 6-й мехкорпус уже вообще прекратил бы свое существование в качестве организованной боевой части...

И второй, не менее актуальный вопрос – почему?

Почему доблестная Рабоче-Крестьянская Красная армия, на обучение и оснащение которой весь советский народ, в едином порыве, не жалея ни сил, ни средств, отдавал последнее и которая так долго и упорно готовилась к неизбежной войне, в результате оказалась настолько не готова к этой войне, что немецкие войска наступают там, где хотят и как хотят, при этом как будто даже не ощущая сопротивления советских войск?!

Почему созданная перед этой войной советскими военными теоретиками и принятая в РККА в качестве новой военной доктрины, внесенная в боевые уставы концепция «глубокой наступательной операции», эффективность и целесообразность которой потом постоянно доказывалась военачальниками всех рангов, вплоть до нынешнего начальника Генерального штаба РККА Жукова, на различных маневрах и командно-штабных играх, в первые же дни войны потерпела столь сокрушительное фиаско?

Ведь разработанная Триандафилловым и Калиновским «Теория наступления современных армий в современной войне», ставшая потом основой для этой концепции и получившая со временем звонкий лозунг «войны малой кровью, на чужой территории», демонстрировала огромный потенциал автобронетанковых войск в ведении наступательных операций, в том числе при взломе боевых порядков противника и организации контрударов. Постулаты этой теории были такими логичными и непротиворечивыми, а сама теория столь удачно вписывалась во взгляды на тенденции современной маневренной и механизированной войны. И создание механизированных корпусов, в качестве подвижных и мощных инструментов глубокого прорыва вражеской обороны на основе массированного применения танков, тоже проводилось в рамках этой теории и этой военной доктрины.

Ведь как все хорошо и красиво получалось на различных учениях и в командно-штабных играх перед войной!

Четкие и согласованные действия родов войск, огромные массы танков, совместно с кавалерией красиво и грозно устремляющиеся на прорыв вражеской обороны. А в небе героическая авиация, сотнями своих самолетов затмевающая даже солнце. Еще массированные парашютные десанты, выбрасываемые десятками самолетов прямо на голову врагу в его тылы, вносящие там хаос и сумятицу.

В результате мы неизменно героически побеждали, мощными контрударами во фланги вгрызаясь в перешедшего границу агрессора, потом молниеносно развивали наступление в глубь его боевых порядков, переходили на его территорию и красиво завершали разгром...

И вот теперь уже несколько дней идет реальная война. И идет она совсем не так, как это представлялось на учениях и маневрах. И вся наша оборона, все эти укрепрайоны, на которые было затрачено столько сил и средств, оказались для немцев тоньше папиросной бумаги. А ответная попытка высшего командования Красной армии осуществить на практике положения теории глубокой наступательной операции и организовать под Гродно, в том числе и силами его 6-го мехкорпуса, «мощный и сокрушительный» контрудар во фланг наступающих немецких войск, так красиво и успешно отрабатываемый на предвоенных картах, обернулась настоящей катастрофой.

А что сейчас вытворяют немцы?! Вот их танковые и механизированные соединения сейчас, в ходе своего наступления, как раз очень эффективно и показательно демонстрируют на практике действия, почти один в один повторяющие основные положения теории глубокой наступательной операции. Так почему же наша Красная армия оказалась настолько не готова к этой войне?!

Впрочем, две основные причины того, как и почему немецкие войска так легко разгромили его корпус и сейчас громят советские войска под Минском, вчера уже указал лейтенант Иванов, изучавший ход этой войны там у себя, в будущем.

Отличная организация связи немецких войск, причем не только радио или телефонной связи с командованием, но и оперативной связи между подразделениями на поле боя. Хорошо

спланированное и отработанное взаимодействие родов войск в ходе наступательных и оборонительных действий. Плюс рациональная тактика – их пехота не бросается со штыками на танки, пулеметные гнезда и иные укрепленные огневые точки, как наша сейчас. Встретив сопротивление, их пехота тут же вызывает артиллерийскую поддержку или, если не помогло, – авиационную поддержку, и так до тех пор, пока в полосе наступления не будут подавлены огневые точки с тяжелым вооружением и узлы обороны. А уж эта их проклятая авиация, прибывающая по вызову... Немецкие самолеты, кажется, вытворяют в небе все, что захотят, почти не встречая сопротивления. И особо ненавистны их пикирующие бомбардировщики, которые с демоническим, вынимающим душу и сводящим с ума воем, невозбранно и удивительно точно терзают своими проклятыми бомбами наши боевые порядки! А за их налетами действительно следует паника, потеря боевого духа и воинской дисциплины, самовольное оставление оборонительных позиций и дезорганизованное бегство – тут лейтенант Иванов опять прав. И по приезде действительно нужно будет как можно скорее организовать переделку части легких Т-26, почти бесполезных сейчас на поле боя в качестве атакующей бронетехники, в мобильные зенитки...

И вторая причина – намного более развитая механизация вкупе с моторизацией. У немцев уровень моторизации наступающих войск реально очень высокий, что позволяет им не только быстро передвигаться и маневрировать, но и тащить с собой технику обеспечения, артиллерию, боеприпасы и топливо. А у нас? Его мехкорпус ушел в контрудар под Гродно, бросив в местах дислокации почти всю тяжелую артиллерию, боеприпасы и топливо – нечем было тащить. А что все-таки получилось взять с собой, пришлось бросать по дороге в результате выхода из строя по причине поломок или повреждения при бомбежках, причем по причине поломок – чаще. Это вполне объяснимо: межремонтный моторесурс нашей боевой техники мизерный, а технические и ремонтные службы, если и были поначалу, так быстро отстали и потерялись в неразберихе и суете первых дней войны.

Умом Хацкилевич все это понимал – все-таки он был опытным и немало повоевавшим военачальником, да и при обучении в Военной академии РККА, в отличие от многих своих сокурсников, время зря не тратил, учился на совесть. Умом понимал, но принять вот такую простую трактовку столь быстрого и столь катастрофического поражения наиболее боеспособных советских войск приграничного эшелона не мог, а может, и внутренне не хотел. И поэтому продолжал изводить самого себя вопросами, пытаюсь одновременно искать и пути организации если не быстрой победы, так хотя бы минимизации ущерба от произошедшего разгрома и построения хоть сколько-нибудь приличной обороны.

Тягостные раздумья генерал-майора были прерваны внезапной остановкой. Хацкилевич, еще не до конца вернувшийся в реальность из своих мыслей, осмотрелся по сторонам и сначала ничего не понял – колонна остановилась на пустой дороге, окаймленной небольшим перелеском с одной стороны и широким, слегка заболоченным лугом – с другой. Пока Хацкилевич осматривался, к их машине от головного дозора подбежал боец и что-то тихо сказал дивизионному комиссару Титову через открытое окно, после чего Титов быстро выскочил из машины, на ходу попросив генерал-майора пока не выходить, и рванул в голову колонны, одновременно расстегивая кобуру.

Вскоре оттуда раздались выстрелы, быстро перешедшие в небольшой бой, судя по интенсивности применения автоматического стрелкового оружия и пулеметного огня броневигов. Даже башенная пушка головной бронемшины пару раз рывкнула. Хацкилевич хотел было вылезти и посмотреть, что там происходит и с кем ведется бой в голове колонны, но его машину уже взяли в плотное кольцо бойцы взвода охраны. И их командир, молоденький сержант госбезопасности, сам шалея от своей решительности, ломающимся от волнения голосом настоятельно попросил «товарища генерала» не высовываться до прояснения обстановки.

Пока Хацкилевич вяло строил командира взвода охраны и угрожал тому всяческими дисциплинарными карами, внутренне признавая его правоту в действиях по обеспечению охраны своей тушки, стрельба впереди стихла, и вскоре возле машины вновь появился Титов, весь в пыли и с несколькими ссадинами, но с довольным выражением на чумазом лице. Он окинул взглядом положение бойцов охраны возле машины, отметил недовольное выражение на лице генерал-майора, которого так и не выпустили из салона, после чего тихо похвалил командира взвода охраны и заодно поставил тому две новые боевые задачи. Обеспечить дальний периметр охраны и прочесывание окружающей местности, а также убрать технику с дороги ближе к лесу и обеспечить ее маскировку с воздуха. Сам дождался, пока Хацкилевич вылезет из машины и слегка разомнет затекшие ноги, после чего вместе с ним отошел с дороги в сторону леса для доклада.

– Диверсанты, товарищ генерал. «Бранденбург-800»... – Все, как лейтенант Иванов и говорил. Там впереди – вон, видите, примерно в тридцати метрах, – перекресток с грунтовой дорогой находится, а дальше, примерно еще в полукилометре, начинается большой лесной массив, который тянется отсюда до самого Белостока и называется Кнышинская пуца. Вот они возле этого перекрестка и обосновались, с той стороны, где перелесок к перекрестку подходит. Командир группы и два его помощника в кустах возле самой дороги расположились, а остальные бойцы группы чуть дальше в лесу возле пулемета залегли, и сектор обстрела этого пулемета как раз весь перекресток охватывал. Сами диверсанты были в форме НКВД, действовали как заградительный пост или заслон, якобы для проверки документов и борьбы с дезертирами. Общий состав группы, задачи и их «боевой путь» сейчас уточняется у захваченного командира группы – он, кстати, судя по акценту, откуда-то из Прибалтики.

– Даже так?! – приятно удивился Хацкилевич. – Командира группы захватили?! Как же вам это удалось? И почему ты сам в таком виде?

– Да, можно сказать, случайно так удачно получилось, Михаил Георгиевич, – ответил Титов. – Командир группы со своими двумя помощниками, как увидели нашу колонну, видимо, не сразу сообразили, как действовать будут – все-таки колонна большая и хорошо вооруженная, да еще с броней. А пока они решали, как себя повести, их обнаружил командир передового броневика, остановился, навел башенный пулемет и подал сигнал об обнаружении неизвестных. После этого они, очевидно, не рискнули убежать под пулеметным огнем и решили играть роль патруля НКВД до конца. Когда после остановки колонны я подошел к головной бронемашине, их старший, под видом лейтенанта госбезопасности как раз пытался качать права и, размахивая своим удостоверением, старался выяснить цель и маршрут следования колонны. Ну, а я, после того как лейтенант Иванов в Сокулке понарасказывал много всяких страшилок про «Бранденбург-800», в том числе и про то, что его диверсионные группы любят устраивать такие вот засады на дороге под видом патрулей НКВД, перед выездом в Белосток обговорил с нашей охраной несколько вариантов сигналов и кодовых фраз для различных ситуаций, а также и их действия по этим фразам и сигналам. Так вот, после того, как я проверил у этого псевдолейтенанта госбезопасности удостоверение и, благодаря информации лейтенанта Иванова, убедился, что оно фальшивое, я громко, чтобы слышали остальные диверсанты, похвалил их командира за бдительность – это был сигнал «к бою» для охраны. А потом предложил усилить их группу, для чего оставить им один броневик. И отвел этого гада, их старшего, с края дороги на противоположную сторону, за броневик, якобы чтобы представить командиру бронемашин. Ну а там, когда броневик закрыл нас от остальных диверсантов, я дал команду на уничтожение диверсантов, и командир передней бронемашин сначала отработал из башенного пулемета по тем двум, что на обочине своего старшего ждали, а потом двумя осколочными выстрелами из пушки уничтожил вражеское пулеметное гнездо в глубине подлеска. Пулемет, кстати, поврежден не сильно, думаю, можно будет его наладить и использовать. В это же время я, с помощью пары бойцов, повязал их командира. Правда, при этом весь

вывозился и форму подрал – подготовка у него на уровне, да и сам по себе здоровый кабан, еле втроем справились. Так что сейчас его в темпе допрашивают, а я на всякий случай по округе прочесывание организовал... И кажется, не зря, – добавил Титов, через плечо Хацкилевича увидев, как к ним подходит бледный до зелени командир взвода охраны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.